

Алексей АТЕЕВ

ХОЛОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК

*Когда сбывается желание,
может умереть душа...*

ЭКСМО

Алексей Атеев
Холодный человек

«ЭКСМО»

2010

Атеев А. Г.

Холодный человек / А. Г. Атеев — «Эксмо», 2010

Готическая атмосфера старого кладбища соткана из кошмарных тайн, которые уносят с собой в преисподнюю мертвецы. Но иногда эти тайны могут пригодиться и живым. Однажды ночью молодая девушка Вера, посвященная в секреты вызова духов умерших, читает заклинание. И оно срабатывает – теперь ей будет служить дух баронессы Амалии фон Торн. Вера очень хочет выйти замуж, и баронесса обещает ей помочь. Но стоит ли прибегать к помощи покойницы, да еще и в «час мертвецов», когда зло властвует безраздельно?..

© Атеев А. Г., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	31
Глава 4	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Алексей Григорьевич Атеев

Холодный человек

Глава 1

Дом возле кладбища и его обитательница

Густая, беспросветная тьма нависла над городом. Она казалась липкой, словно молочный кисель, густой и скользкой, как картофельная патока. При движении она расступалась, но тут же смыкалась позади с еле слышным хлопанием. Возможно, это впечатление возникало от унылой мороси, которая струилась с мертвых небес. Слабый, но непрекращающийся дождь шел уже которые сутки. Все вокруг – ветхие домишки, искривленные стволы деревьев, чахлые кусты – точно пропиталось влагой. Мир стал похож на губку. Ткни пальцем, и засочится гнилая вода.

Город спал. Мрак поглотил его, и создавалось впечатление: мрак никогда не рассеется. Редкие тусклые фонари только усиливали это впечатление. Пронизанный струями дождя свет ядовито-желтыми столбами падал на мокрый асфальт и тьму не только не рассеивал, но делал ее еще более густой и вязкой. Все словно вымерло. Возможно, где-то на центральных улицах и была жизнь. Там, разбрызгивая лужи, мчались автомобили, спешили, мечтая поскорее укрыться под теплым кровом, редкие прохожие, но здесь, на окраине, царила мертвенная тишина.

Неожиданно забили городские куранты. Их далекий, но отчетливый, слегка надтреснутый звук только усиливал ощущение тоски и неведомой опасности. И еще он словно подавал некую команду ночной нежити, гнездящейся в потаенных углах, в щелях и трещинах.

...Восемь, девять, десять... Удары курантов, как огромные гвозди, вколачивались в печальное безмолвие. Замер дребезг последнего, и вновь на окрестности опустилась тоскливая тишина. Но все вокруг тотчас ожило, наполнилось едва различимым движением, странными звуками, бледными тенями. В конусе фонарного света мелькнуло нечто бесплотное, словно мазок акварели, раздался едва слышный звук – не то треск сломанного сучка, не то шелканье чьих-то мертвых челюстей. С расположенного неподалеку старого кладбища поползли по вязкой почве клочья тумана. Где-то неподалеку протяжно завывала бродячая собака...

Реальность на глазах превращалась в кошмар. Или это только казалось воспаленному воображению?

Девушка беспокойно ворочалась в своей узкой кровати. Она никак не могла заснуть. Часы уже пробили двенадцать, а сон все не шел. Несколько раз она поднималась, бродила в потемках по своей довольно тесной квартирке или стояла возле окна, всматривалась во тьму, сквозь потеки воды пытаясь разглядеть, что делается снаружи. Однако там ничего не происходило. По-прежнему шел унылый дождь. Налетавший время от времени ветер тряс росшее во дворе дерево, стучал его ветвями по внешней стороне стены, бросал в оконные рамы пригоршни мокрых листьев. Фонарь словно освещал дно заросшего тиной аквариума.

Девушка снова легла. Мысли вяло шевелились в ее головке. Неожиданно вспомнились не раз слышанные в детстве истории про заложных покойников,¹ которые в такие вот ненастные

¹ Заложные – покойники, опасные для живых, умершие неестественной смертью: убитые, самоубийцы, опойцы, утопленники, погибшие неожиданно вследствие какого-то несчастного случая, до срока, предназначенного при рождении. Они постоянно являются живым, пугают, покушаются на их жизни. («Русский демонологический словарь». СПб., 1995).

ночи поднимаются из своих могил и бродят в потемках в поисках жертв, чаще всего таких, на которых нет креста.

Давным-давно заброшенное кладбище находилось совсем рядом, через дорогу, и потому окрестные ребяташки в теплое время года частенько лазали меж древних покосившихся от времени памятников и черных крестов. Все вокруг густо заросло сиренью, акацией и шиповником. В июне, да и позже, здесь стоял столь сильный аромат цветущих кустов и трав, что у иных кружилась голова и им становилось дурно. Но ребяташки объясняли это состояние вовсе не действием цветочных флюидов, а происками нечистой силы, старающейся усыпить человека, а затем увлечь несчастного в царство мертвых. Однако несмотря на некоторые опасения детей все же влекло сюда. Возможно, именно по причине причудливого сочетания могучих жизненных сил, выражавшихся в буйном цветении, и одновременно в осязаемом присутствии смерти.

В глубине кладбища, среди прочих, стоял склеп, кирпичные стены которого были обложены плитами черного мрамора. Чугунные двери склепа наглухо запечатывали огромные ржавые замки, но и без них обычным путем внутрь, казалось, невозможно попасть, поскольку двери были не то заварены, не то заклепаны. На одной из наружных стен имелась плита, на которой потускневшими золотыми буквами было выбито, что здесь покоятся члены семейства баронов фон Торн. Всего имен имелось десятка два. Среди фон Торнов присутствовали действительные статские советники, полковники и даже некий адмирал, но ребят больше всего привлекало одно имя, и отнюдь не мужское. Где-то в середине списка усопших можно было прочесть:

«Девушка Амалия фон Торн
Мир ее праху».

Судя по дате смерти, выходило, что девушка Амалия погребена в данной усыпальнице в первой половине девятнадцатого века. Когда же конкретно, оставалось неизвестным, поскольку последняя цифра в дате была почему-то тщательно сбита. Вот про эту-то фон Торниху и рассказывали всякие ужасы. Говорили, будто бы она была ведьмой, по ночам выбиралась из родового замка, бродила по улицам, нападала на запоздалых прохожих, а то забиралась в дома, где имелись маленькие дети, и пила кровь младенцев. Родители несчастных малюток спали при этом непробудным сном и не могли прийти на помощь своим чадам. По другим, более правдоподобным сообщениям злобная Амалия ведьмой вовсе не являлась, а была отравительницей, из зависти умертвившей по очереди двух своих старших сестер ради красавца-жениха, к Амалии же никто не сватался по причине ее мерзкого характера и сильной близорукости. Как бы там ни было, девушка фон Торн тоже скончалась неестественной смертью. Не то ее придушили собственные родственники, не то прикончил из пистолета потрясенный отец.

– Вот она-то и есть заложная, – объясняла подружкам самая сведущая девочка Катя Бурдымагина. – Заложная – это не отпетая попом. Лежит она нетленная в могилке, и нет ей покоя. Ни в рай, ни в ад не пускают. Вот она по ночам и шляется... А кто желает на нее посмотреть, может запросто это сделать. Вон, под стеной, лаз прорыт... – И она указывала на едва видневшуюся среди буйных зарослей шиповника дыру под одной из стен. – Только не советую. Лежит она в хрустальном гробу, который на цепях подвешен к потолку, как живая, но стоит глянуть на нее, как она той же ночью сама к тебе придет. А уж тогда...

Что произойдет «тогда», Катя не поясняла, но и так все было ясно.

Девочки с ужасом таранились на склеп. Внутри у них все замирало, сердце проваливалось в желудок, а коленки сами собой подгибались. И все равно их тянуло сюда.

Но происходило это давным-давно, в детстве. С тех пор она на старом кладбище не бывала. Проходила сотни раз мимо, но и только. По правде говоря, и думать о нем забыла...

Сон так и не приходил. Вместо него ее охватило некое оцепенение, тревожное и одновременно томное, даже сладкое. Девушка лежала с открытыми глазами, но старалась не смотреть в сторону окна, за которым, как чудилось, находилась неопределенная, но вполне реальная угроза. Ей казалось, стекла вовсе не помеха для проникновения в комнату некой ужасной силы, имени у которой не было. И эта самая сила постепенно, незаметно, но настойчиво просачивалась внутрь.

Дом возле кладбища был двухэтажным, деревянным и довольно старым. Некогда он принадлежал какому-то купцу, но за годы советской власти, не меняя внешнего облика, внутри неоднократно перестраивался. Результатом этих перестроек явилась небольшая двухкомнатная квартирка без горячей воды, но зато с собственной уборной. В настоящее время ее занимала девица, которую звали...

Девицу звали Вера Карловна Воропаева, а проживало сие небесное создание в городе Сорочинске. Отстоял Сорочинск не очень далеко от Первопрестольной, являлся центром небольшой среднерусской области и нес в себе черты (в архитектуре, конечно) александровского классицизма, николаевского деспотизма и сталинского имперского социализма. Присутствовали тут и хрущевские «типовухи», брежневские «улучшенки» и... И все! Новые правители пока что не оставили значительного следа в градостроении. Кроме вышеперечисленных стилей, в Сорочинске, как и в большинстве старинных городов, имелись постройки совсем уж неопределенных типов.

Уже упоминалось, что Вера проживала в бывшем купеческом доме, однако, кроме старорежимных, вокруг располагалось множество и более поздних построек. По своему внешнему виду местность напоминала картину Поленова «Московский дворик» – даже купола допотопной церквухи голубели над окрестностями.

В целом район мог бы быть обозначен как трущоба, однако таковой не являлся, поскольку контингент населения, проживающего здесь, подходил под определение «средний класс». Это сегодня он стал средним, а раньше именовался вначале пролетарским, потом – рабочим классом, правда, с вкраплениями разного рода совслужащих. Помимо трудящихся близлежащих заводов и фабрик, здесь обитали инженеры тех же предприятий, учителя, врачи и даже дирижер Сорочинского театра оперы и балета. Имелись в райончике, со стародавних пор известном как Кладбищенская застава, и представители люмпен-пролетариата, по-нынешнему «маргиналы».

Жили, в общем-то, не то чтобы дружно, но в основном без скандалов, поскольку были спаяны, вернее, споены многолетним знакомством. В последние годы на территории Кладбищенской заставы появилось несколько строений в средневековом замковом стиле, принадлежавших новым русским купчинам. Тем не менее и это обстоятельство не поколебало патриархальных нравов. Хотя когда владелец одного из замков колбасник Петюнин попытался самовольно прирезать к своей и без того солидной латифундии еще десяток соток за счет детской площадки, ночью спалили его любимый джип. И хотя у колбасника имелся еще один внедорожник, попытки расширить поместье он благоразумно оставил. Но хватит об аборигенах. Поговорим лучше о Vere Карловне Воропаевой.

Vere недавно стукнуло двадцать три года. Она являла собой тип длинноногой, довольно привлекательной, хотя и несколько бесцветной блондинки, после окончания местного педвуза работала в местной многотиражной газетке «Путь наверх» (бывшей «Путь к коммунизму») и больше всего на свете хотела выйти замуж. Вера проживала одна в двухкомнатной квартире, поскольку ее матушка отдала Богу душу два года назад, а батюшка лет пятнадцать как покинул семейство, якобы завербовавшись «на севера», и с тех пор сгинул, оставив Vere в наследство опасную бритву фирмы «Золинген» с костяной ручкой и фотоаппарат «ФЭД». Ни бритвой, ни «фэдом» Вера никогда не пользовалась, а об отце у нее остались весьма смутные воспоминания.

нения. Ей помнились колючий подбородок, взлохмаченная шевелюра и исходивший изо рта специфический запах.

Квартирка, в которой жила наша героиня, была, как уже сказано, маленькой, без особых удобств, но весьма уютной. После всех перестроек в доме, как ни удивительно, сохранилась печь-голландка, гревшая еще дореволюционного богатея, который любил прислоняться задницей к ее кафелям. А кафель, которым было облицовано это чудо печного искусства, был ей под стать, тоже голландский, бело-голубой, разрисованный парусными кораблями и молочницами в высоченных чепцах. Сему памятнику дельфтского фаянсового промысла цены не было. К Вере уже навевались шустрые молодчики, предлагали хорошие деньги за плитки и обещали «совершенно бесплатно» облицевать печь новыми изразцами, но Вера неизменно отказывалась. Она не без оснований считала, что именно бело-голубые плитки придают квартире ее неповторимый облик. Кроме печки, в парадной и одновременно жилой комнате высился древний диван с валиками, высокой спинкой и полкой, с которой только после смерти матери Вера убрала семь мраморных слоников, якобы приносивших счастье; под потолком розовый абажур из синтетического шелка, темно-красный ковер на стене и пузатый комод, на котором, обрамляя овальное зеркало, громоздились многочисленные фарфоровые безделушки. Все в помещении дышало покоем и патриархальным бытом. Соседняя комнатка, вдвое меньше первой, метров эдак в десять, служила Вере спальней. Голубенькие занавески, розовое покрывало на кровати, на полу вытертый коврик бордовых цветов, на стене вырезанные из журналов картинки, изображающие группы «На-На» и «Премьер-Министр», певцов Глызина и Маршала и каких-то знойных юношей неизвестного происхождения, сидящих на мотоциклах. Еще в спальне, занимая почти все оставшееся место, присутствовал здоровенный агрегат фирмы «Тошиба», являвшийся одновременно магнитофоном и приемником. Несмотря на изрядные размеры агрегат имел статус переносного, хотя и был почти неподъемен. Вера не чаяла души в этой самой «Тошибе», стряхивала с него каждую пылинку, а когда не пользовалась, заботливо укрывала электронного монстра вышитой салфеткой величиной с детское одеяльце.

Если говорить откровенно, Вера бывала в своей уютненькой квартирке не так часто. Большая часть ее девичьей жизни проходила в редакции газетки «Путь наверх», которая находилась на другом конце Сорочинска, и до нее приходилось добираться не менее часа вначале на «маршрутке», а потом пешком. Дома скучно, даже тоскливо, а в редакции – веселее не бывает. Здесь жизнь, что называется, бьет ключом.

Постоянное оживление, даже сутолока в небольшом помещении редакции держали «в тонусе» довольно ограниченный штат сотрудников, состоявший из редактора, именованного «главным», ответственного секретаря (он же «выпускающий»), трех журналистов, редактора по рекламе, корректора, оператора компьютерного набора, охранника и технички. Выходил «Путь наверх» два раза в неделю, но толчея в редакции не прекращалась ни день ни ночь. По ее пяти комнатам носились многочисленные рекламодатели, общественные корреспонденты, работавшие «за спасибо», просто праздные посетители, приходившие сюда в основном чтобы поскандалить... Время от времени в редакции устраивались праздничные мероприятия, причем по самым разным поводам, будь то хоть День мелиоратора, хоть церковный праздник Сретения Господня. А уж именины, крестины или чей-нибудь уход из жизни отмечались неукоснительно. И нужно заметить, без особых возлияний. Откроют иной раз бутылочку-другую сухого винца, а чаще пробавляются пивом или, того проще, чаем. Ну, конечно, торт, пирожные, конфеты... Но и без алкоголя мероприятия почти всегда удавались. Возможно, происходило это потому, что народ в редакции работал молодой, склонный к юмору, а то и к здоровой сатире. Здесь не подкладывали на стул коллеге резиновую штучку, которая, когда на нее садились, издавала неприличные звуки, не привязывали к хвосту редакционной кошки пустую жестянку, не требовали от женской части коллектива изобразить групповой стриптиз. Нет! Веселились вполне достойно, танцевали, пели... резвились скромно, но со вкусом. Тон задавал

обычно «главный», упитанный господин «чуть за тридцать», величавшийся Павлом Борисовичем Величко и очень любивший пирожные «Наполеон».

– А что, старики, не устроить ли нам сегодня небольшой междусобойчик?! – во всеуслышание заявлял он обычно в пятницу, после обеда.

Коллектив охотно шел навстречу пожеланиям начальства. Двое-трое сотрудников немедленно снаряжались в магазин, где закупалась необходимая провизия (в том числе и штук десять «Наполеонов»), а также прохладительные и горячительные напитки. По возвращении гонцов сдвигались и накрывались столы, расставлялись бутылки и закуски, и праздник начинался.

За Верой непременно ухаживала вся мужская часть коллектива газеты, начиная от Павла Борисовича и кончая охранником Валерой. Была она девицей высокой, длинноногой, что называется, статной, да к тому же натуральной блондинкой. Внешностью наша героиня несколько напоминала молодую актрису Чурикову в фильме «Неуловимые мстители», но это обстоятельство только придавало Вере определенный шарм. К тому же наша героиня прилично играла на гитаре, да еще и пела хрипловатым контральто цыганские романсы и уличные песни. (Однако в повседневной жизни голос у нее был не низкий и отнюдь не хриплый.) Словом, длинноногая корректорша являлась душой компании. Тут нужно отметить: ухаживания коллег девушка принимала охотно, но дальше игривых объятий в полутемном уголке под лестницей или дружеских поцелуйчиков дело не шло. И вот почему.

Как уже сообщалось, Вера мечтала о замужестве. Но замуж ей хотелось непременно за богатого, или, по крайней мере, за состоятельного человека, а таких в пределах видимости не наблюдалось. Собственно, она знала пару-тройку молодцев, разъезжавших на «мерседесах» и «ауди», а один из них даже настойчиво склонял ее к сожительству, но люди эти выглядели, что называется, ненадежно. Один из «иномарочников» обитал в совершенно убогой «хрущобе», и Вера была потрясена откровенной нищетой жилища, впервые попав к нему в гости, а у другого (того, что склонял) хоть и имелся приличный домина, этажа эдак в три, но сам он и двух слов без мата связать не мог. Все это мадемуазель Воропаеву не устраивало. Кроме денег, Вере хотелось и любви. Пускай негромкой, пускай самой обыкновенной, пускай даже плохонькой, но любви! Ни возраст, ни внешность для нее особой роли не играли. Главным являлось соблюдение двух вышеназванных условий.

Этим летом, будучи в отпуске, Вера отправилась отдыхать в Крым, а именно в город Феодосию, где проживала то ли дальняя родственница, то ли старинная знакомая ее покойной матери тетя Суламифь, которая настойчиво приглашала приехать погостить. Молодые девицы обычно отправляются в подобные поездки парами, однако благоразумная Вера приехала в южный город одна, справедливо полагая: подруга будет только мешать. Ведь не знаешь, где можно повстречать принца и на кого именно он положит глаз. В общем, двинула она в эту самую Феодосию в одиночестве... и пожалела.

Жара, городской пляж грязный, и уж очень многолюдный, в самом же городе и смотреть особо нечего. К тому же в городе оказалось беспокойно: проходили не то пикеты, не то митинги, на которых пожилые крикливые растрепанные тетки во всю глотку оралы: «Янки, гоу хом», протестуя против приезда американских военных в Крым на учения. А вообще было довольно скучно. Принцев не наблюдалось. Ну, побывала она в галерее художника Айвазовского, ну, поглазела на скучные морские пейзажи... Волны, парусные корабли во всяких видах... Неинтересно! Лучше бы этот самый маринист голых женщин рисовал или хотя бы мужиков...

Так Вера и сказала за завтраком тете.

– А ты в Коктебель поезжай, – хитро прищурилась та. – Там этого добра навалом.

– Что за Коктебель такой? – заинтересовалась Вера.

– Поселок такой на берегу. Место пристанища российской богемы, – по-книжному выразилась Суламифь. – Очень живописное место. Там жил когда-то некий Макс Волошин, не то

поэт, не то художник. В общем, человек свободной профессии. Дом построил... К нему в гости стали приезжать такие же бездельники из Москвы и Питера. О Коктебеле пошла слава среди творческих натур. А когда этот самый Волошин помер, на базе его усадьбы в поселке организовали Всесоюзный Дом творчества. Вот там писатели и прохлаждали свои телеса. И сейчас, случается, прохлаждают. И не только писатели. На тамошних пляжах полно нудистов.

– Это которые голыми загорают, – проявила осведомленность Вера.

– Вот-вот. Именно нагишом. Только пляжи там не очень. Галька. Ногам ступать больно.

Некоторым, правда, нравится, – усмехнулась тетка.

– Тьфу! – скривилась Вера. – Как можно прилюдно без трусов разгуливать?

– А ты не торопись осуждать. Может, и самой понравится.

– Ну, уж нет!.. А как туда добраться?

– От пристани регулярно ходят катера. Час – и там. Съезди, Верунька, не пожалеешь.

Только попить с собой чего-нибудь возьми.

Целый день Вера крепилась. Пребывание среди голых особей казалось ей омерзительным. Однако этот таинственный Коктебель не выходил из головы. И следующим утром Вера отправилась на пристань и села на катер.

Борт судна тяжело ударился о старые автомобильные баллоны – кранцы пристани. Сбросили сходни, и Вера вместе с остальными пассажирами сошла на берег и смешалась с праздной толпой. Голых она увидела почти сразу же. Немолодая парочка пребывала среди прочих купающихся и загорающих, выглядевших вполне традиционно, и, надо сказать, на них никто не обращал особого внимания. Вера покраснела и отвернулась. Сей факт выглядел противоестественным. Покумекав малость, она решила вести себя столь же индифферентно, как и остальные отдыхающие, то есть откровенно не глазеть на бесштанную команду, а лучше обозреть окрестности.

Справа от поселка возвышалась огромная гора, чей острый склон, напоминавший причудливо изломанное лицо, обрывался прямо в море. Вера побрела по берегу в сторону горы, и обнаженные отдыхающие стали попадаться все чаще и чаще. Наконец девушка забралась в самую гущу нудистов и только тут спохватилась. Как-то не совсем удобно находиться возле них и быть полностью одетой. Она решила снять джинсы, майку и позагорать, благо облачилась в купальник еще в Феодосии. Расстелив на гальке махровую простыню, Вера торопливо разделась и улеглась вниз лицом. Сердце трепыхалось как только что пойманная птичка, посаженная в клетку. Она боялась поднять голову: не наткнуться бы взглядом на нечто непристойное. Однако солнце заметно припекало, и нужно было менять позу. Преодолев смущение, Вера повернулась. Вокруг резвилась голая публика, в основном молодые женщины, но попадались и мужики. На них Вера старалась не смотреть. Потом она обнаружила: кое-кто из дамочек не разоблачен да конца. Нижняя часть туалета на них все же присутствует. Это обстоятельство несколько успокаивало. К тому же пожилые граждане почти не присутствовали. Голые, покрытые каплями морской воды тела были красивы, и тут наша героиня вспомнила, что у нее самой фигура хоть куда, во всяком случае, не хуже, чем у большинства местных афродит. Лифчик можно бы и снять, мелькнула шальная мысль. Некоторое время Вера размышляла: стоит это делать или нет? Наконец решилась, расстегнула застёжку и тут же вновь улеглась на живот. В такой позе Вера пролежала минут двадцать; наконец решилась повернуться лицом к остальной публике. Гром не грянул, земля не содрогнулась. По-прежнему светило солнце и плескалось море. Тогда Вера поднялась и, держа ладони перед собой, как бы прикрываясь, однако, почти не загоразивая открывавшийся вид, шагнула в мелкую черноморскую волну.

Через час она полностью освоилась, без опаски резвилась в воде, поглядывала по сторонам, пытаясь понять, обращают ли на нее внимание, а когда ловила чей-то взгляд, старалась найти в нем восхищение или хотя бы интерес. Вскоре она познакомилась с какими-то парнями, один из которых был в длинных цветастых бермудах, а второй и вовсе без ничего. Стараясь не

концентрировать внимания на причинном месте данного молодого человека, она выкурила с ними по сигаретке, а потом принялась играть в пляжный теннис. Грудь Веры задорно тряслась, и она была на вершине блаженства.

На следующий день Вера вновь отправилась в Коктебель. Смотревшая ей вслед тетя Суламифь только усмехалась.

Но сколько бы наша героиня ни прохлаждалась среди коктебельских пальм и магнолий, сколько бы ни купалась у подножия знаменитого Карадага, искомый принц так и не являлся. Возможно, где-то рядом и прохлаждались маститые писатели, подающие большие надежды поэты или олигархи средней руки, однако на их голых телах не имелось на этот счет никакой информации. И это обстоятельство удручало. И хотя Вера через несколько дней, проведенных на пляже, превратилась в шоколадку, своей цели подцепить какого-нибудь нувориша или хотя бы самую завалиющую творческую личность она так и не достигла. С тем и вернулась в Сорочинск.

Нужно заметить, что в отношении собственного замужества у Веры давно имелась твердая точка зрения. Еще учась на третьем курсе института, она сделала для себя вывод, что если к двадцати четырем годам останется в девицах, то уж вряд ли когда-либо вообще выйдет замуж. Черт его знает, почему она так считала! То ли вывела эту сомнительную истину из разговоров со знакомыми девицами, то ли вычитала сие из нелепых книг девятнадцатого века, однако Вера четко усвоила: двадцать четыре года – предел, за которым открывается бездна одиночества. И посему нужно спешить.

Конечно, мужчины у Веры бывали. Еще в школе она дружила с неким Андрюшей, потом на ее жизненном пути оказался Вадик. Но все это не то. Андрюша хотя и был высоким и кудрявым, однако иных достоинств у него не имелось. Учиться не хотел. Загремел в армию. А когда вернулся, Вера встретила его весьма холодно. Поэтому Андрюша недолго думая переметнулся к соседской Наташке, на которой вскоре и женился. Вадик же любил выпить. Он окончил вуз, но пагубная страстишка так и не исчезла, и Вера его отвергла, хотя Вадик и звал замуж.

Впрочем, имелся у нее и более солидный воздыхатель, некий Гриша Абрамов, преподававший в педагогическом университете историю. Он являлся кандидатом наук, доцентом и был старше ее на десять лет, а кроме того, женат. А еще Гриша был археологом. Собственно, именно в археологической экспедиции, в которую после второго курса попала Вера, они и познакомились. Археология Вере сразу же не понравилась. Нужно ковыряться в земле под палящим таманским солнцем весь день И ради чего?! Ради каких-то древних черепков или двух-трех ржавых монеток. Золота, к сожалению, не попадалось. Через пару дней, проведенных в жаре и пыли, Вера решила сбежать из экспедиции. Она вступила в сговор с еще одной разочарованной девицей, и, как только стало темнеть, обе драпанули из палаточного лагеря. Поймал их Гриша. Не зная точно, в какой стороне Тамань, девушки двинули на запад. Шагать по плоской, как столешница, степи на закат долго не пришлось. Позади послышались гневные вопли. Их нагонял доцент Абрамов. Так они познакомились. Спустя некоторое время археология стала нравиться Вере несколько больше. Конечно, жара и пыль по-прежнему не вызывали особого восторга, но вот вечерние прогулки с Гришей по обрывистым берегам моря, его рассказы о древних людях, населявших эти места, о греческих богах и героях, об амфорах, полных масла и вина, а главное, его нежные, но властные объятия были ох как завлекательны!

Так и пошло. Днем начальник экспедиции ничем не выделял Веру из общего числа подсобниц, а вечером на прибрежном откосе шептал ей сладкие слова. Роман продолжился и по возвращении в Сорочинск. И все бы хорошо, но Гриша Абрамов уже был связан семейными узами. Вера ему нравилась, но разводиться он не желал, поскольку в свое время произвел на свет дочку, которую любил еще больше, чем Веру. Вялотекущие отношения продолжались до сих пор, однако встречи любовников происходили от случая к случаю и уже не носили той страсти и пылкости, как в первые дни.

А сон все не опускался, не обволакивал нашу героиню, полную смутных мыслей. Оле-Лукойе не брызгал ей в глаза сладким молоком, а потом не нашептывал ей чудные истории. Да и есть ли этот Оле на самом деле? Но, как бы то ни было, темное крыло ночной грезы простерлось над Верой.

Дождь не прекращался. Он, казалось, только усилился. Холодные капли что есть силы молотили по оконному стеклу, ветви дерева больше не стучали в стену дома, а скрежетали по ней. Тени в комнате достигли пика густоты. Уже неразличим был чудо-комбайн «Тошиба». Вместо него громоздилось нечто бесформенное, подмигивающее двумя красными глазками. Может быть, вовсе не добряк Оле-Лукойе примостился возле Вериней кровати, и не свой чудный зонтик распахнул он над ее взлохмаченной головкой, а это красноглазое чудище со странным, зловещим названием вдвухало ей в уши всякую чушь? А может, вовсе и не чушь!

Тут она вновь вспомнила свою давнюю подружку, любительницу страшных сказок Катюшку Бурдымагину. Что стало с этой толстощекой девочкой с косицами, как крысиные хвостики? То ли она связалась с наркоманами, возившими анашу из Казахстана, то ли подалась в Турцию и пропала в стамбульском борделе, а может, вовсе и не в борделе, а на улицах Грозного: во время первой чеченской кампании, когда вытаскивала из-под огня раненого спецназовца, получила осколок в свою бедовую голову.

Сгинула Катюшка неведомо где, а вот ее жуткие истории до сих пор в памяти. Будоражат воображение в такие ненастные ночи. Вера вспомнила одну из них. Конечно, все о том же кладбище, о том же склепе... Будто бы, рассказывала Катя, живые могут устанавливать контакты с покойниками, а те даже выполнять их желания. Нужно только ненастной ночью прийти на кладбище и попросить мертвеца помочь. Правда, в конце концов ничем хорошим для просящего это не обернется. Мертвец обязательно потребует плату за выполненную работу. Плата может быть разной, но самая распространенная, когда душа покойника вселяется в просителя и управляет им по своему усмотрению. Но подходит не каждый покойник, а только заложенный, вещала Катюшка. Вот, например, такой, как девица Амалия, которая в тутошнем склепе покоится. Потому как хорошие давно в раю, а плохие в аду, и назад им возврата нет. А заложенные, которых никуда не взяли, не могут успокоиться, бродят, пакости всякие добрым людям строят. Если, конечно, у них имеется такая возможность. Неужели можно вот так просто пойти и попросить, недоверчиво интересовались у Кати девчонки. Просто так, конечно, нельзя, знающим тоном сообщала Бурдымагина. Это можно сделать лишь в один день в году. Вернее, в ночь. А именно на Ерофея-мученика, семнадцатого октября. Надо прийти на могилку глухой ночью, но до первых петухов, раздеться донага, встать к ней спиной, обернуться три раза вокруг себя и попросить:

Ты, ты, дух нечистой красоты (назвать его по имени),
помоги
Мне, убогому (назвать себя), и по разуменью строгому
не нашли в меня тоски
Из-за гробовой доски. Буду я тебе служить,
но и мне чтоб не тужить.
И вдвоем с тобою мы повредим другим умы.
А себе хочу желать: мне б
Ума не потерять.

Потом нужно поклониться три раза, но опять же, стоя спиной к могиле или к гробу, где лежит тот, которого просишь.

– А дальше? – прерывающимися от волнения и ужаса голосами спрашивали у Кати подружки.

– А дальше все, – важно отвечала она. – Если все пройдет правильно, покойник станет вам помогать.

– А если неправильно?

– Нужно искать другого заложного. С этим – всё. Больше не захочет являться.

– Да как же узнать?!

– Оно само покажет, услышал мертвец или нет. Так мне бабуся моя сказывала, а бабуся в таких делах волокет. Даром, что ли, ворожейей в округе слывет...

Вера и сама удивилась, насколько четко сохранился в памяти рассказ Катюшки. Словно не прошло с того времени почти пятнадцать лет. Стояло жаркое лето. Девчонки валялись на траве рядом со склепом семейства фон Торнов. Одурающе пахла отцветающая сирень. В ее горьком аромате отчетливо прослеживался запах тлена, отчего на душе присутствовала непонятная тоска. Но, возможно, эта неясная грусть явилась результатом рассказа Катюшки.

А ведь сегодня как раз семнадцатое октября, неожиданно пришло в голову Вере. Ее словно током ударило. До первых петухов – это до какого же времени? Часов, наверное, до двух, до трех... И что же из этого следует? Да ничего, конечно. Так просто... Взбредет же в голову.

Вера вновь постаралась заснуть. Она повернулась на правый бок и закрыла голову подушкой. Шум дождя и скрежет веток пропали. Но тишина оказалась настолько гнетуща, что она вновь вернулась в первоначальное состояние. Мысли о Катюшке и ее рассказе никак не желали покидать сознание. Кладбище, старинные надгробья, мертвый запах догнивающей сирени... А может, в этой жутковатой истории имеется доля правды? Не, бред! Какая там, к черту, правда! Детские сказки! Однако можно проверить, словно прошептал кто-то во тьме.

До первых петухов... Сколько еще осталось?

Вера взглянула на табло электронных часов. Только половина двенадцатого, а казалось, городские куранты пробили одиннадцать так давно.

И все же...

А что все же?

Можно сходить.

Уж не свихнулась ли ты? В такую погоду! И дорога туда давно забыта. Да хоть бы и помнила ее, в такой дождь и в полную темень и двух шагов не сделать.

Но можно обуть сапоги, завернуться в плащ, взять фонарь... Что за чепуха! Но ведь ты все равно не спишь. Сна – ни в одном глазу. Как долго можно ворочаться с боку на бок?

– Нет, это безумие! – вслух произнесла Вера и поднялась с постели. Словно кто подталкивал несчастную, тянул ее за подол ночной рубашки...

Некоторое время она, упершись носом в скользкое стекло, таранилась на улицу.

Пусто, сыро, тоскливо... Но ведь это даже к лучшему! Никто не увидит, никто не спросит: куда это она собралась на ночь глядя?

Вера пошла в прихожую, достала из самого дальнего угла стенного шкафа резиновые сапоги, которые она последний раз надевала года три назад, когда студентов осенью посылали на село помогать убирать картошку. Однако в тот год осень выдалась сухая, и сапоги даже не понадобились. И вот наконец о них вспомнили. Потом девушка вернулась в спальню, натянула джинсы, заправила в них ночную рубашку. В шкафу она нашла фонарь, с которым обычно спускалась в погреб за картошкой и соленьями. Щелкнула кнопкой выключателя. Батарейку сменила совсем недавно, и фонарь светил в полную силу. Отлично. Теперь осталось облачиться в плащ и можно отправляться в путь.

Погоди, дорогая, одернул ее внутренний голос. А то ли ты делаешь? Может быть, все-таки не надо? Но Вера, коли уж что-нибудь решила, то отступить не собиралась. Она обла-

чилась в брезентовый плащ с капюшоном, военного типа, именованный «плащ-палаткой», неизвестно с каких пор хранимый в доме, и смело шагнула за порог.

Во дворе не наблюдалось ни души. Да что там души! Даже бродячие кошки и собаки в такую погоду попрятались по темным углам. Только фонари тускло светили в том месте, где двор переходил в улицу.

Вера смутно помнила, что как раз напротив ее дома, за шоссе, там, где находился пустырь, начиналась тропинка, ведущая на кладбище. Она пересекла асфальтовое полотно и оказалась перед стеной мрака. Фонарный свет сюда не достигал. Вера включила фонарь и пошарила лучом по земле. Где-то здесь... Но кругом простиралось только море бурьяна, по которому хлестали струи дождя. Просторный плащ, которым Вера обернулась как одеялом, не пропускал влаги, и, несмотря на то что на ней кроме плаща была надета только ночная рубашка, она чувствовала себя вполне комфортно. Треугольный капюшон сполз ниже глаз, и теперь сама Вера походила на некое inferнальное существо, вставшее из могилы.

Наконец среди зарослей конопли и полыни мелькнуло что-то похожее на начало тропы. Сомнений больше не осталось. Вера уверенно шагнула вперед.

Метров через пятьдесят она увидела невысокую стенку из песчаника, а в ней знакомый пролом. Значит, она движется в правильном направлении. Как только она миновала пролом, стали попадаться захоронения. Вот хотя бы это. Перед ним ребятишки всегда останавливались. Черный ангел скорбно склонил погребальный факел к земле. Вторая рука, согнутая в локте, воздета вверх. Одно крыло отсутствует, и черный обрубок торчит наподобие горба. Перед ней могила купца Брыкина.

Вера вдруг вспомнила: в статую ангела самые смелые бросали камешки, осколки бутылок и прочую дрянь, стараясь попасть в его печально-торжественное лицо.

Луч фонаря упал на блестящую от дождя поверхность памятника, блеснул в каменных глазах, и Вере показалось: ангел упер в нее тяжелый взгляд. Девушка слегка поежилась. Тут она вспомнила: где-то здесь из земли торчит кусок ржавого троса, неведомо как попавшего сюда, и замедлила шаг. Вот он, трос. Разлегся на самой дороге как капкан, поставленный непонятно на кого. Может быть, и на нее саму. Вера переступила через петлю и зашагала дальше.

Минут через пять должна появиться новая достопримечательность – здоровенный пьедестал, на котором стоит мальчик в коротких штанишках на помочах. Одна рука ребенка указывает вперед, неведомо куда. Пьедестал, сложенный из красного, почерневшего от времени кирпича, давным-давно облупился, и узнать, кто же лежит под этим памятником, не представлялось возможным. По поводу этой могилы существовала такая легенда. Будто бы жил в старое время в Сорочинске некий дворянин, имя его позабылось. Жена у него умерла, и он женился вновь. Кроме того, у него имелся сын. Мачеха невзлюбила пасынка, но тронуть его боялась, опасаясь гнева мужа. И решила она известить малютку. Сказано – сделано. Однако нянька ребенка случайно увидела, как мачеха подсыпала в кисель какой-то порошок. После того как ребенок преставился, она упала перед барином на колени и обо всем рассказала. Дворянин призвал к себе жену и давай ее допрашивать. Под пытками та призналась в преступлении. Дворянин придушил несчастную и закопал ее здесь же, неподалеку. Место, где она лежит, так и осталось неизвестным, но на него якобы указывает стоящий на пьедестале мальчик. По легенде вместе со злодейкой-женой дворянин закопал в землю несметные сокровища. Нужно было только отыскать могилу, и разбогатеешь. По-видимому, легенду все же принимали за правду, потому что в том направлении, куда указывала рука мальчика, имелось несколько старых, совсем оплывших ям. Видно, искали клад.

Вера шла мимо мраморных и гранитных памятников, мимо покосившихся крестов, и почти каждое надгробие заставляло вспоминать какую-нибудь историю. Вот, например, высокий чугунный крест, под которым лежит девица Хворостина, утопившаяся от несчаст-

ной любви. Ну и дура! Разве можно лишать себя жизни из-за такого глупого повода? Коли на твои чувства не отвечают взаимностью, ищи другого. Или вот этот обглоданный ветрами и непогодой каменный столб. Даже в свете дня надпись на его мутной поверхности еле читалась. Но и без пояснений все ребятишки знали: под сим камнем покоится гусарский поручик, погибший на дуэли.

Луч фонаря метался то по тропинке, то по зарослям бурьяна, словно жил своей собственной, не зависящей от Веры жизнью. И странное дело. Казалось бы, ночь, кладбище... Сюда и днем-то не каждый отважится сунуться. Вдруг за покосившимся памятником поджидает мертвец?! А Вере хоть бы что! Ни ужаса, ни даже малейшего страха девушка не испытывала. Напротив, казалось, она принимает участие в каком-то забавном приключении, и самое интересное еще только предстоит.

Наконец впереди показался прямоугольный черный куб. Склеп фон Торнов! Вера подошла к строению. Вокруг него, почти скрывая стены, как и много лет назад, громоздился кустарник. Но теперь он, казалось, поредел и как будто расступился. Виновата ли поздняя осень, одним дуновением холода заставившая сбросить листву, или имелась иная причина, однако подойти к склепу вплотную оказалось очень легко. Вера приблизилась к чугунным дверям. Они были по-прежнему заперты. Что же делать дальше? Она вспомнила рассказ Катюшки. По словам той, нужно раздеться донага, встать к склепу спиной и прочитать заклинание. Но дождь?! Она тут же вымокнет до нитки. Нет. Этот вариант отпадает. Нужно как-то попасть внутрь. Но как это сделать? Да! Ведь под одной из стен существует подкоп. Она прекрасно помнила черную дыру с полуобвалившимися краями. Да сохранился ли он? Даже в то далекое время подкоп выглядел весьма ненадежно. Что ж, проверим.

Вера пошла вдоль стены и почти сразу же наткнулась на дыру под стеной. Внимательно исследовала ее, светя фонарем. Вполне подходит для того, чтобы сквозь нее пролезть внутрь.

Тут сомнение вновь посетило ее. До сих пор происходящее казалось игрой, но теперь нужно было принимать решение. Но стоит ли? К чему эксперименты? Прогулялась, а теперь пора домой.

Вера задумчиво взирала на яму. В свете фонаря та казалась входом в преисподнюю. Нужно было на что-то решаться.

Внезапно все вокруг озарилось ядовитым призрачным светом. Каждая из дождевых капель, висевших на ветках кустов, вспыхнула как маленький бриллиант.

Молния, поняла Вера. Но разве бывают молнии в октябре? И где же гром?

После ярчайшей вспышки тьма вокруг стала еще гуще. Вера потопталась еще немного... и решила. Она заправила в джинсы край вылезшей ночной рубашки, потуже затянула пояс плаща и полезла в лаз вперед ногами.

Лаз оказался несколько длиннее, чем она думала. Видимо, толщина стен склепа была чуть ли не двухметровой. Вера, лежа на спине, протискивалась сквозь узкий ход, дергая бедрами и задом и помогая себе обеими руками. Фонарь она засунула под плащ на грудь. Неожиданно показалось, что застряла. Все! Приехали! Как же теперь быть? Остается одно – лежать в этой яме и дожидаться утра, а как только рассветет, начинать кричать, звать на помощь... Возможно, кто-нибудь и услышит. Хотя кто услышит? Вот летом точно прибежали бы какие-нибудь ребятишки. А осенью, да еще в такую погоду... Нет. Нужно действовать самостоятельно.

Вера что есть силы рванулась. Что-то затрещало. Сверху, забивая глаза и рот, посыпалась земля и крошка от отсыревших кирпичей. Вере показалось: тлен, труха, в которую давным-давно превратились мертвецы. От невыразимого отвращения она так сильно дернулась, что освободилась. Ноги повисли над пустотой. Еще одно движение, и она грохнулась на каменный пол склепа. Фонарь выскочил из-за пазухи и укатился.

Некоторое время девушка лежала на спине. Болел копчик, но, главное, вокруг стояла абсолютная тьма. И фонарь, будь он неладен, куда-то делся. Вера пошарила рукой. Ладонь нащупала не то камни, не то кости. Она продолжала попытки отыскать фонарь, но все напрасно. Тут Вере пришло в голову: в кармане плаща, помнится, лежал коробок спичек. Она сунула руку, нащупала коробок, вытащила его. Встряхнула. Послышалось слабое шуршание. Открыла. Пальцы нащупали лишь две спички. Первая вспыхнула, но тут же погасла. С трепетом Вера достала следующую. Теперь она действовала осторожнее. Видимо, коробок отсырел. Спичка долго не желала зажигаться. Вера уже отчаялась, но вдруг вспыхнул огонек. Вера поспешно прикрыла его ладошкой, давая возможность разгореться. Наконец, когда пламя стало достаточным, она отняла ладонь, подняла спичку над головой и тотчас увидела фонарь. С облегчением выдохнув воздух, она подняла его, с минуту простояла в темноте, словно не в силах поверить в удачу, потом щелкнула кнопкой выключателя.

Никаких хрустальных гробов на цепях тут, конечно, не оказалось. Луч высветил из тьмы довольно просторную комнату, вернее, небольшой зал, в котором царил страшный разгром. Вдоль стен шли стеллажи, на которых некогда стояли гробы. Теперь же стеллажи, как и гробы, были разломаны, а их содержимое выброшено на пол и частично растоптано в пыль. Кроме костей, на полу валялись полуистлевшие обрывки погребальных одежд: куски парчи, кружев, позумент и позеленевшие медные пуговицы. Стены склепа были исписаны неприличными словами и выражениями типа: «Так вам и надо... немчура», «Нам жить, а вам... немецкое отродье, гнить». Имелись тут и более краткие, но не менее емкие выражения. Судя по надписям и датам, посетители увековечивали себя на протяжении последних девяноста лет. Посещали склеп и живописцы, видимо, непризнанные. Рисунки их отличались грубой выразительностью и откровенно эротической тематикой. Однако Вера не собиралась изучать граффити, хотя они, несомненно, представляли исторический интерес. Поозиравшись с пяток минут, она пришла к заключению, что делать здесь нечего и шла она сюда совершенно напрасно. В этом разгроме и хаосе и за неделю не разобраться, где тут кости именно девицы Амалии. Возможно, вот эти клочки кружев от ее погребального савана, а возможно, и нет. Она подняла один такой обрывок, повертела его в руках... И что?.. Нет, нужно возвращаться. Зря только шла. И все же (она продолжала вертеть кусочек кружева в руках)... все же, может, стоит попробовать? Зря, что ли, она топала сюда ночью по дождю, по грязи...

Вера некоторое время неуверенно переминалась с ноги на ногу, наконец, чувствуя себя последней душой, развязала пояс плаща. Она сбросила «брезентуху» на пол и осталась в джинсах, ночной сорочке и резиновых сапогах. Еще немного постояла возле лежащего на полу плаща, потом скинула сапоги и переступила на брезент. Рука нерешительно потянулась к пуговице джинсов, расстегнула ее... Потом настала очередь ночной рубашки. И на девушке остались только белые трусики.

В это мгновение словно слабый ветерок пробежал по склепу. Вера кожей ощутила колебание воздуха и поежилась. Она глянула по сторонам. Показалось, тьма стала еще гуще. Какое-то неопределенное движение почудилось ей в самом дальнем углу склепа. Внезапно стало жутко. Превозмогая себя, Вера направила туда луч фонаря. В его свете она увидела большого черного кота, который направился в ее сторону.

Просто бездомное животное, спасающееся здесь от дождя?..

Вера ледяными пальцами коснулась края трусиков. Кот приблизился к ней вплотную и потерял о ногу. Казалось, слабый электрический разряд пробежал по телу девушки, заставив содрогнуться. Прикосновение животного словно придало ей решимости сделать последний шаг. Вера стянула с себя то единственное, что оставалось на ней. А кот все путался под ногами, мешая сосредоточиться.

И вот уже Вера голой стояла на плаще, не зная, что делать дальше. Нет, она, конечно, представляла себе дальнейший ход событий. Нужно прочитать заклинание и попросить...

Но что именно? Жениха? Как там, в заклинании? «Не нашли в меня тоски из-за гробовой доски...» Значит, и тоску возможно заполучить, а тогда и страдание, наверное? Эх, будь что будет!

Вера еще раз повторила про себя магические слова. Как будто ничего не забыла. Вот только как быть с фонарем? Оставить его горящим или выключить? Наверное, лучше все-таки выключить.

Она так и сделала, но перед тем, как нажать на кнопку, в последний раз обвела склеп лучом. Кот куда-то исчез, но на этот раз Вере почудилось: в дальнем углу виднеется чей-то силуэт. От внезапно накатившего ужаса, а может, просто от холода тело покрылось гусиной кожей, зубы застучали, и Веру прошиб сильный озноб. Она уж было хотела бросить колдовать и бежать отсюда сломя голову, однако почувствовала: сил для этого не осталось. Она словно приросла к шершавому брезенту, на котором стояла.

Вновь послышался странный звук: не то шуршание, не то хруст.

«Крысы!» – пришло в голову. Кот залез сюда, охотясь на них. Нет там никого, кроме крыс. А сейчас кот поймал одну из них, отсюда и хруст. Кот просто пожирает ее.

Вера немного успокоилась.

Ладно, пора начинать.

Она три раза повернулась вокруг себя и начала произносить заклинание. Едва прозвучала первая строка, склеп вздрогнул, словно от подземного толчка, с пола и стен взметнулась пыль; потом послышались глухие, еле слышные вздохи и стоны, которые все усиливались и наконец сменились злобным хихиканьем. Но едва Вера закончила произносить заклинание, хихиканье превратилось в громовой, злобный хохот. Склеп наполнился призрачным белесым светом, и Вера, повернувшись, увидела: напротив стоят несколько фигур в старинных одеяниях и смотрят в ее сторону. Тут наша героиня потеряла сознание и уж больше ничего не ощущала.

Глава 2

Битва начинается: первая кровь

На следующее утро Вера проснулась в своей кровати как ни в чем не бывало. О ночных событиях она забыла начисто. Да и случились ли они, эти события, на самом деле? Может, их вовсе и не было или просто привиделся дурной сон, от которого в памяти ничего не осталось.

Вера поднялась, потянулась и глянула за окно. Ярко светило октябрьское солнце. Всю территорию двора усеивала опавшая листва. Мокрая после дождя, она испускала слабое сияние, словно потемневшая от времени позолота. Кое-где блестели подсыхающие лужи. Первые, еще не совсем проснувшиеся ребяташки брели в направлении школы. Автомобилисты прогревали двигатели своих стальных коней. Служащие спешили на автобусную остановку. Ничего экстраординарного не наблюдалось. Ночь прошла, а с нею исчезли и тайны.

Вера отправилась умываться, а затем стала готовить себе завтрак. До начала работы оставался еще целый час. Потом она оделась, надела макияж и вышла из дома, решив пройти пару остановок пешком.

После ночного осеннего ненастья, казалось, вернулось лето. Оживленно щебетали воробы, на которых из кустов с интересом посматривали кошки. Хозяева выгуливали четвероногих друзей человека. Троица бомжей, в рюкзаках которых звенели пустые бутылки, спешила на приемный пункт стеклотары. Словом, привычная реальность.

Мимо проезжала нужная ей маршрутка. Вера подняла руку. «Газель» остановилась, и она влезла внутрь. Маршрутка оказалась полупустой. Усевшись, Вера с интересом огляделась. Это было внове. Обычно она не обращала никакого внимания на попутчиков, однако на этот раз ее внимание привлек молодой человек, сидевший впереди нее, и Вера видела только его профиль. Но какой профиль! Орлиный нос, длинные ресницы, волевой подбородок.

Интересно, кто он? Скорее всего студент. Да, именно студент! Вон и папка в руке. В вуз едет. В педагогический, скорее всего. Эта маршрутка как раз останавливается напротив.

Хотя Вера видела незнакомца всего пару минут, впечатление он оставлял вполне благоприятное. Неплохо бы с ним познакомиться.

До сих пор наша героиня ничего такого себе не позволяла. Напротив, вела она себя, тем более в общественном транспорте, очень даже скромно и о случайных знакомствах и не помышляла. А тут повела себя в совсем несвойственной для нее манере. Она бесцеремонно под села к молодому человеку, благо место рядом с ним оказалось свободным. Нужно было спешить со знакомством, до педагогического оставалось всего четыре остановки. Парень равнодушно взглянул на нее и чуть подвинулся. Был он несколько старше, чем Вера себе представляла.

– Вы студент? – напрямик спросила наша героиня.

– Я – аспирант, – не поворачивая головы, отозвался парень. – А что?

– А специальность? – не отставала Вера.

– Ну, допустим, историк.

«Наверняка знает Абрамова, – мелькнуло в голове. – Да какая, собственно, разница? С Абрамовым не складывается, почему бы не попробовать с кем-то другим?»

– Историк – это звучит слишком общо. Какова же ваша специализация?

– Вообще-то я пишу диссертацию о периоде феодальной смуты на Руси. Пятнадцатый век... Василий Темный, Шемякичи... Ну, и так далее. Данные события имеют отношение к нашим местам. Но вам, наверное, эти имена ни о чем не говорят?

– Нет, почему же, – ответствовала Вера, хотя слышала о каких-то там Шемякичах в первый раз. – А скажите: археология тоже входит в сферу ваших интересов?

– Конечно. В нынешнем году мы вели раскопки поля битвы Дмитрия Шемяки с великим князем Московским Василием Вторым.

– Были интересные находки?

– Да, кое-что отыскивали. А, собственно, чем вызван наш интерес?

– Я – журналистка, – сообщила Вера. – Работаю в газете «Путь наверх».

– Никогда о такой не слыхал.

– Неважно. Пишу на темы культуры, искусства, в том числе и археологии.

Ученый молодец улыбнулся.

– Веду рубрику «Интересно, аж жуть!».

Новая улыбка.

– Замечательно, что судьба столь неожиданно свела меня с историком-археологом, – бойко зачастила Вера. – Раскопки, ведь это так интересно. Романтично, я бы сказала... Извлекаете из земли разные древние вещи... Ищете клады... Хотелось бы подготовить материал на эту тему. Скажем, интервью с вами. Допустим, под заголовком «Тайны веков» или «Загадки древних цивилизаций».

– Но мы не ищем клады, – отозвался историк. – Поиски кладов сами по себе весьма интересны, но заниматься ими нужно исключительно в свободное время. А у нас работа. Довольно тяжелая, грязная и весьма нудная. Копаем целыми днями, а толку иной раз с гулькин нос.

– Эта вам кажется. Просто притерпелись. Привычка свыше нам дана, как выразился классик. А народу хочется знать. Поэтому давайте договоримся о встрече.

Историк искоса посмотрел на Веру. Видимо, он не знал, как от нее отвязаться. И ничего лучшего не придумал, как достать из кармана пиджака визитную карточку.

– Вот мои координаты, – сказал он, вручая визитку Вере.

– Сегодня вечером вас устроит? – весело поинтересовалась Вера.

– Как? Так сразу?

– А чего тянуть.

– Ну, если вы желаете...

– Да, желаю. Только нужно уточнить в редакции некоторые детали. Я вам позвоню на работу. Телефон тут имеется? – Она потрясла перед носом нового знакомого карточкой. – Кстати, меня зовут Вера Воропаева.

– Очень приятно. А меня – Михаил Сабуров.

– Вот и познакомились. Позвоню ровно в два. Ждите.

Видимо, потрясенный столь мощным натиском, Сабуров вскочил и, даже не попрощавшись, поспешно бросился к выходу, а Вера поехала дальше, на ходу обдумывая план будущей кампании по завоеванию историка.

«А ловко я его захомутала, – довольно размышляла она. – И везет же мне на археологов! Хотя они ребята небогатые, но кто сказал, что я должна связывать с ним жизнь? Посмотрим...»

Вере и в голову не пришло, что до сего дня ничего подобного она и в мыслях позволить себе не могла. Хотя в жизни она была девушкой бойкой, однако подобный стиль поведения, по ее разумению, присущ только дамам легкого поведения. Но что-то изменилось, а она этого еще не замечала.

В редакции газеты «Путь наверх» царил суев, обычная для любого времени суток. Вера уселась за свой столик с наклонной крышкой и принялась читать полосы. Против обыкновения ей не сиделось на месте. Она никак не могла сосредоточиться и с нетерпением ждала двух часов. Наконец нужное время настало. Вера набрала номер.

– Давайте в четыре, – услышала она едва узнаваемый голос Сабурова, после того как назвала свое имя. – Приезжайте в институт, поднимитесь на третий этаж, зайдите на кафедру и отыщите меня.

Вере не особенно хотелось появляться на истфаке, поскольку она не без оснований опасалась встречи с Гришей Абрамовым. Однако деваться было некуда, и девушка согласилась. Предварительно посвятив ответственного секретаря редакции в свои планы сделать интервью с археологом и выпросив у него диктофон, она отправилась на встречу с Сабуровым.

К этому часу в институте было уже немногочисленно. Вера нашла нужную дверь и, не стучась, уверенно толкнула ее. Кроме Сабурова в просторной, уставленной столами и шкафами комнате не имелось больше никого, что обрадовало, ибо она не без трепета ожидала обнаружить на кафедре Гришу. Увидев Веру, аспирант кисло улыбнулся, явно не испытывая особого желания беседовать. Однако отказываться было уже поздно.

– Итак, – спросил Сабуров, – с чего начнем?

– Прежде всего расскажите о последних ваших находках, – сказала Вера и сунула диктофон историку прямо под нос.

– Хорошо, – согласился тот, отодвигая ее руку. – Тогда давайте пройдем ко мне в кабинет.

По длинному коридору они проследовали в крохотную каморку, в которой имелся стеллаж, стол и компьютер на нем.

– Значит, так, – сказал Сабуров. – В первой половине пятнадцатого века разгорелся конфликт между наследником московского престола Василием Вторым и его двоюродными братьями Василием Косым и Дмитрием Шемякой за право княжения на Москве...

При ближайшем рассмотрении новый знакомый Веры разочаровывал. Орлиный нос, который заинтриговал ее при первой встрече, превратился в клюв, нижняя челюсть оказалась излишне массивна, а действительно длинные ресницы не могли скрыть бледно-голубых вытаращенных глаз. Он имел широкие плечи, несуразно длинные руки, сильно сутулился, напоминая недоразвитую гориллу. Словом, внешность Сабурова оказалась скорее отталкивающей, чем привлекательной. Какие-либо разговоры вести с этим человеком было бессмысленно.

«Как бы сделать так, чтобы это интервью поскорее закончилось?» – соображала Вера. Прервать беседу и откланяться казалось ей неудобным, а потому она смирилась и приготовилась слушать. Сабуров же, напротив, разглядел и оценил Верины статьи. Глаза его заблестели, а язык развязался. Он нес какую-то чепуху про никому не интересные средневековые междоусобицы, при этом размахивал руками и брызгал во все стороны слюной.

– Что же вы все-таки нашли? – бесцеремонно перебив разглагольствования об особенностях среднерусского исторического ландшафта, поинтересовалась Вера.

– Взгляните. – Сабуров снял со стеллажа объемистую картонную коробку и стал извлекать ее содержимое. – Находки пока что не разобраны, тем более не изучены.

– Показывайте! – потребовала Вера.

– Вот, например, меч, вернее, часть меча. – Сабуров бережно развернул бумагу, и Вера увидела ржавую железяку, какие на каждом шагу встречаются на любой свалке. – Скорее всего, этот меч переломился в ходе сражения.

– Очень интересно. А еще?

– Это шлем древнерусского воина, – сообщил археолог, доставая еще одну железяку, – вернее...

– ...его часть, – докончила за Сабурова Вера. – Замечательная находка! – не скрывая иронии, произнесла она.

– А сейчас я покажу вам фрагмент кольчуги. – На свет был извлечен кусок ржавой кроватной сетки.

– Вещи, конечно, замечательные, – заключила Вера. – Наверное, даже редчайшие. Но вот скажите: что-нибудь изготовленное из драгоценных металлов вы находили?

– Из драгоценных?..

– Из золота там... или хоть из серебра.

– Монеты только. Но их немного. С десяток. Где-то здесь были... Так называемые «чешуйки». – Сабуров долго копался в коробке, наконец достал прозрачный пакетик, в котором виднелось несколько корявых черных пластинок величиной с ноготь мизинца.

– Не густо, – сообщила Вера свои выводы.

– Чем богаты... – отшутился Сабуров. – Но ведь мы раскапывали не древнее городище, а место битвы. Откуда же на нем золото и серебро?

– И я некогда принимала участие в раскопках, – похвалилась Вера.

– Интересно, где?

– На Таманском полуострове.

– И кто же руководил вашей экспедицией?

– Доцент Абрамов.

– Григорий Ефимович?

– Он. Я тоже училась в вашем институте.

– Уж не на истфаке ли?

– Нет, на филологическом.

– А что вы делаете вечером? – неожиданно спросил Сабуров. Его настроение, как видно, поменялось на противоположное.

Вера нервно усмехнулась: начинаются ухаживания.

– Да, собственно, ничего, – ответила она.

– Тогда, может быть, куда-нибудь сходим? – В голосе Сабурова звучала чуть ли не мольба.

Но связывать себя с подобным типом Вера не желала. Даже всего лишь на время похода в заведение. Что он может ей дать? Да ничего! Ни внешности, ни денег. Одет весьма непрезентабельно: потертые джинсы и такая же рубашка. Может быть, он и в ресторан желает идти в подобном виде? Чем-то он напоминал ей Абрамова. Но тот хоть красив, а этот... Все в нем утрировано. И нос, и челюсть, и фигура... Нет, он не то что на мужа, даже на одновечернего ухажера не тянет.

И Вера уж хотела было отказаться от заманчивого предложения, но тут в ее сознании произошел некий сдвиг. словно один разум уступил место другому. Свирепому и безжалостному... Ни капли сострадания не имелось в нем. Только холодная злоба. Кто перед ней? Пигмей! Истинно пигмей! А таких необходимо не просто отвергать. Их следует учить, чтобы знали свое место. И учить крепко. На всю жизнь. Поэтому зачем же отказывать? Не нужно. Напротив, стоит принять его ухаживания, а уж потом... Потом можно поставить этого зарвавшегося урода на место.

– Сходим? – переспросила она. – Так вы, значит, решили за мной приударить?

Сабуров неопределенно пожал плечами, стараясь не выдать своих внезапно возникших чувств к этой девушке, однако в его водянистых глазах появилось нечто такое, что говорило само за себя лучше всяких слов.

– Можно, конечно, и сходить, – продолжала Вера. – Вот только куда?

– В какое-нибудь кафе или в бар...

– Тьфу! Какая дешевка! В бар!.. Нет уж! Если приглашаете меня на randevu, то только в ресторан. Причем в самый дорогой.

– В «Савой»!

– А деньги-то на «Савой» у вас имеются?

– Найдем.

– Вот и отлично. Только мне, естественно, нужно переодеться. Привести себя в порядок. Давайте встретимся в семь у входа.

– Идет, – произнес Сабуров. В голосе его слышалась плохо скрытая радость. – Значит, в семь возле «Савоя».

Вера ни разу в жизни не была в дорогом ресторане, тем более в «Савое», который считался самым крутым заведением в Сорочинске. Она только слышала, что кухня там европейского уровня, а цены невероятные. Как пример приводился тот факт, что в ресторане имелся сорт шампанского, бутылка которого стоила десять тысяч рублей – Верина двухмесячная зарплата.

Откровенно говоря, ее вполне бы устроил какой-нибудь недорогой бар, в котором она чувствовала себя гораздо привычней, чем в «Савое». Немного музыки, немного сухого вина или пива. Вполне демократично. А в «Савое», насколько она слышала, собирается городской бомонд. Вызывал у нее удивление и тот факт, что Сабуров видел ее сегодня первый раз и уже сделал столь широкий жест. Это выглядело в высшей степени странным. С чего бы вдруг?! Неужели он настолько воспылал любовью к ней, что решился на весьма ощутимые траты? Вера знала, сколько зарабатывает аспирант, и решила: Сабуров действительно нашел клад и теперь гуляет направо. Кстати сказать, к досаде Веры, доцент Абрамов не только ни разу не сводил ее в какое-нибудь общепитовское заведение средней руки, но даже избегал разговоров на эту тему. Он предпочитал проводить интимные встречи в Вериной квартирке. Алкоголь почти не употреблял, а если и пил, то только водку, причем в очень небольших количествах.

Вера уже начисто забыла о том, с какой яростью она только что отнеслась к знакам внимания со стороны Сабурова. Сейчас девушка думала: что бы такое надеть, чтобы не показаться в «Савое» белой вороной? Из одежды ничего сколько-нибудь приличного для ресторана у нее не было. Правда, имелись шикарные туфли на шпильке, надевавшиеся всего один раз, на новогоднюю вечеринку в редакции. Оставалось пойти в магазин и купить ту итальянскую шелковую блузку с рюшами, на которую она давно смотрела, но никак не решалась ее приобрести по причине высокой цены. Вера так и сделала, а заодно прихватила шикарную коричневую юбку в тон блузке. Истратив на покупки все имевшиеся сбережения, Вера тем не менее осталась довольна. Она вертелась перед стоявшим в прихожей древним зеркалом, в котором едва различала свое расплывчатое, словно призрачное отражение. Однако и это мутное чудище не могло скрыть ее великолепия.

– Самое то! – с гордостью произнесла Вера. – Теперь держись, «Савой»!

Естественно, наша героиня явилась ко входу в ресторан вовсе не в семь, а почти в восемь, нисколько не сомневаясь: новый ухажер терпеливо ожидает ее появления. Так и было. Сабуров одиноко стоял на ступеньках входа, и Вере на миг стало его жалко. Она глядела из темноты на несуразную фигуру историка и размышляла: подойти или нет, словно предвидела в этом шаге нечто роковое. Однако долго думать на этот счет Вера не стала.

Не подойти? Да с какой стати?! Зря, что ли, она истратила все деньги на шикарный прикид. Когда еще ее пригласят в «Савой»? И Вера, раскачивая плечами и бедрами, что, по ее мнению, соответствовало стилю «бедовая девчонка», двинулась к Сабурову.

Молодой человек тотчас узнал в приближавшейся фигуре Веру и бросился ей навстречу.

– Где же вы пропадали? – с робкой укоризной поинтересовался он.

– Да вот размышляла, идти или не идти, – довольно нагло отозвалась наша героиня.

– Как же так?! Ведь мы договаривались?

– Но я же пришла!

– Да, конечно, конечно... Лучше поздно, чем никогда.

– Вот именно! Так мы идем или не идем?

– Безусловно.

Швейцар в ливрее с галунами с поклоном распахнул перед ними массивную дверь, и пара вошла в «Савой». Уже перед гардеробом, куда вновь прибывшие сдали свои плащи, Вера отметила: Сабуров одет достаточно дорого и изысканно. На нем был пусть и не смокинг, но

отличный темно-синий, похоже, английский костюм, на ногах элегантные коричневые туфли, а вместо обычного галстука темную сорочку украшала белая бабочка.

«Эге, да ты не так прост!» – произнесла про себя девушка.

Она еще раз оглядела себя в зеркале и, оставшись довольной, смело вошла в зал. Здесь было полутемно, почти пусто, пахло хорошим табаком, французской косметикой и еще чем-то неуловимым, но явно принадлежащим к атрибутике сладкой жизни. Приглушенно играла струнная музыка.

– Устроитесь в зале или предпочитаете кабинет? – поинтересовался неизвестно откуда возникший метрдотель.

– Кабинет, – сказал Сабуров.

Метрдотель провел их в небольшое помещение, где на сервированном на две персоны столе сверкал хрусталь и матово светились серебряные столовые приборы.

– Пожалуйста, – солидно произнес метрдотель и удалился, но появившийся вместо него официант с поклоном подал книжицу меню в марокеновой папке.

Вообще все убранство кабинета: обтянутые винно-красным шелком стены, бра под абажурчиками того же цвета, столик и стулья с гнутыми ножками а-ля «Людовик XV» – настраивало на вальяжный, исполненный сытого достоинства лад, однако не без каплипряного разврата в заключение ужина.

– Салат «Пикадилли», суп из раков, – принялся заказывать Сабуров, – почки в мадере...

– Я не люблю почки, – перебила его Вера.

– Прошу прощения. Тогда язык под соусом, трубочки в вине, мороженое... Какое посоветуете?

– Рекомендую пломбир с фруктами и орехами. Свежайший! Пить чего изволите? Карта вин у нас разнообразнейшая. От чилийских и испанских до французских.

– Я, знаете ли, как-то не очень в них разбираюсь. Какого-нибудь французского хотелось бы.

– Тогда смею предложить «Шато-Лафитт» урожая две тысячи второго года. Изысканнейший букет...

– Несите.

– Оставьте меню, – потребовала Вера, когда официант протянул руку за марокеновой папкой.

– Да... – подтвердил Сабуров, – возможно, мы еще чего-нибудь пожелаем.

Официант, своим фраком и белоснежной манишкой напомнивший девушке пингвина, молча поклонился и исчез. Вера схватила меню и принялась изучать цены. Они и вправду оказались умопомрачительными.

– Однако! – только и смогла произнести она.

– Вам что-нибудь не нравится?

– Мне показалось – дороговато.

– Один раз живем, – с купеческой спесью в голосе ответил Сабуров. В первый раз он изменил своему стилю «трудяга-интеллигент».

Вера внутренне усмехнулась:

– Так вы – подпольный миллионер.

– Почему подпольный? Сейчас нет подпольных.

– Ну, значит, реальный?

– Понимаете, Вера... – Сабуров чутьчку замялся. – Я недавно получил наследство. Квартиру. Умер дед, он и отписал... Еще одна квартира мне не нужна. Мне и своей собственной достаточно. Я и продал. Деньги получил весьма приличные... Вот и гуляю.

– Тогда все понятно. А я думала: клад нашли.

– Хм, клад... А же говорил: археологи почти не находят что-либо ценное. Вы и сами знаете. Ведь копали же!

– Да, конечно... Но все же случается.

– А если и случается, то по закону клад нужно сдать государству. А иначе...

Но что случится в противном случае, Вера так и не узнала, потому что принесли вино и салат.

– Кислятина, – пробормотал Сабуров, пригубив из фужера.

– А мне нравится. Терпкое и едва заметно сладит.

Сабуров одним глотком выпил весь фужер, потом подцепил вилкой кусок языка. Его глаза заблестели.

– Знаете, – вполголоса произнес он, наклонившись к Вериному лицу, – я действительно всегда мечтал найти клад. Сызмальства еще... Книжки про клады любил. «Остров сокровищ», «Приключения Тома Сойера»... – Он вновь наполнил свой фужер и сделал изрядный глоток. – Поэтому и подался в археологи. Как только окончил школу, так и подался... Конечно, не сразу в археологи, а на исторический факультет. А в детстве монетки собирал... Да и сейчас собираю. И старину всякую. Видимо, одно к одному.

Вера с интересом слушала.

– Город наш, как вы знаете, старинный, – продолжал свое повествование Сабуров. – До революции в нем много всякого интересного народа проживало. И купцы, и дворяне... Сейчас уж ничего не осталось от тех времен, но если походить по кладбищам, то по памятникам тех времен можно себе представить... Ну, и дома, конечно, старые имеются. А в домах этих... – он не договорил и допил вино.

«Так он быстро наклюкается, – насторожилась Вера. – А ведь по нему не скажешь, что любит употребить».

– Вы почему ничего не едите? – спохватился Сабуров. – Супчик вот раковый... Попробуйте! – Его рука вновь потянулась к бутылке.

«Пока я буду лопать этот, как он выразился, «супчик», мой новый друг целиком прикончит эту французскую дрянь, – подумала Вера. – Так дело не пойдет! Нужно отвлечь его разговором».

– Вы так интересно рассказываете, – заметила она. – Про старину... О домах вот заговорили... Так что же в них такое есть?

– Послушайте, Вера, может быть, вы мне немного расскажете о себе, – неожиданно сменил тему разговора Сабуров.

– О себе? Что же рассказывать? Родилась, училась... Теперь работаю в газете. Жизнь самая обычная. Этим летом на юга ездила. Скукота.

– А молодой человек у вас имеется? Поклонник, другими словами.

– Зачем вам это знать?

– Так просто. Вернее, не просто. Я, как только вас увидел, сразу понял: хорошая девушка. Вера хмыкнула:

– Да вы физиогномист. А мне показалось: в первый момент я вам не понравилась.

Сабуров потупился.

– Было немного. Но только в самом начале знакомства. А потом...

– Что потом?

Сабуров прошептал что-то себе под нос.

– Я не расслышала. Так что же потом?

– Я человек уже не то чтобы очень молодой...

– Да неужели?!

– Но и не старый. Пока не старый.

- Это я вижу.
- Пора подумать о серьезном.
- Ну-ну...
- О женьтибе, я хочу сказать.

Вера в изумлении приоткрыла розовый ротик. Она ждала каких-то слов, возможно, даже не совсем приличных. Подвыпивший Сабуров мог с ходу предложить переспать с ним. Понятно, за роскошный ужин нужно платить. Но такого оборота она не ожидала. По сути, этот тип предлагает... Или она чего-то не поняла?

– Вы что же, меня замуж зовете? – напрямую спросила Вера.

– А почему бы и нет! – горячо произнес Сабуров, видимо, обрадовавшись, что не придется самому выдавливать из себя столь трудно произносимые слова.

Вера захохотала:

– Да ведь вы видите меня всего второй раз в жизни. Вернее, третий. И знакомы-то мы всего один день. А как же любовь? Чувства там всякие... Ухаживания, вздохи при луне...

– Я – человек практичный, – заявил Сабуров, протягивая руку к бутылке. Заметив выразительный взгляд Веры, он усмехнулся. – Волнуюсь вот... Да и чего с этой кислушки сделается? Так вот, о практичности. Чего тянуть кота за хвост. Вы мне нравитесь, даже очень. И поэтому я вполне обдуманно делаю вам предложение.

– Вполне обдуманно? Это после трех... нет, четырех бокалов?

– Еще идя на свидание с вами, я уже знал, как себя поведу, что скажу... И вот... сказал!

– Семейю, выходит, желаете завести? – язвительно спросила Вера. – Семейя денег требует.

У молодой жены, скорее всего, имеются запросы, которые предполагают наличие средств... и немалых. А зарплата аспиранта... Это так, только на булавки...

– Зарплата аспиранта?! Что за чушь?! Неужели вы считаете, что поход в «Савой» возможен на зарплату аспиранта?!

– Вы же говорите, дедову квартиру продали.

– При чем тут дедова квартира? Я... У меня...

– Ну-ну?

Но Сабуров внезапно замолчал и уставился осоловелым взглядом на Веру. И тут наша героиня взглянула на своего кавалера иными глазами. В них читалась неистовая ярость, смешанная с ледяным презрением. Этот мозгляк смеет претендовать на ее руку?! С первых же часов знакомства делает предложение. Наглец! Ну, она ему сейчас устроит!

– Официант! – внезапно заорал Сабуров. – Ко мне!

На зов явился пингвинообразный служитель общепита.

– Водки! – продолжал Сабуров в том же тоне. – И закуски... соответствующей. – Он раскрыл меню и стал тупо в него пялиться. – Вот! Разварная осетрина с хреном и уксусом. Тащи осетрину.

Официант перевел взгляд с Сабурова на Веру. Та пожала плечами.

– Чего ухмыляешься?! – заревел историк. – Неси, коли приказали. – Он взял в руки почти пустую бутылку от французского вина, повертел ее в руках и, обнаружив, что на дне еще плещется жидкость, поднес горлышко ко рту и допил ее.

Появился официант с графинчиком водки и тарелкой с осетриной. Сабуров взмахом руки отослал его прочь, потом наполнил водкой половину фужера, залпом выпил его, потом взял пальцами кусок осетрины и затолкал его в рот.

– Здорово, отлично! – громко произнес он. – Вот напиток! Не то что эта дрянь, – он щелкнул по бутылке. – Ну, так как? – обратился он к Вере.

– Вы о чем?

– О моем предложении. Замуж за меня пойдешь?

– Мы разве на «ты»?

– А почему нет? Раз пьем вместе, значит, наверное, на «ты». Правда, на брудершафт еще не пили, так это дело поправимое. – Он хотел налить Вере водки.

– У меня еще вино осталось, – сообщила та.

– Вино?! А мы его вот так. – Сабуров схватил фужер и выплеснул его содержимое на пол. – Нет ничего лучше водочки, – ласково произнес он, наполнив бокал до краев. – Давай, Верка, выпьем за дружбу и любовь.

– О! Я уже Верка!

– Ну, извини, подруга. Давай, глотни!..

– Вы, я смотрю, любите выпить.

– А то! Могу себе позволить. Правда, изредка. Не хочу привлекать к себе внимания. Кошу под слесаря-интеллигента. Эдакий паренек «от сохи», пошедший в науку. Серый мышонок. В институте все так и думают. Мол, Миша Сабуров – червяк. И даже не книжный, а земляной. Копаются себе в грязи, ищут какие-то древние цацки. Не спорю – имеет место. Но это для души. Археология то есть... Для души, для души... А для кармана – другие раскопки. Ты вот меня про клады спрашивала. Интересовалась. Так вот, я нашел клад. И не один.

– Где же?

– Какая разница? Нашел, и все! Поделился с кем надо! Но все равно денег осталось выше крыши! Могу этот сраный кабак на корню купить. Со всеми официантками, метрами и поварами. Хочешь, куплю и тебе подарю?

– Спасибо, мне ресторан ни к чему.

– А что ты хочешь? Газету? Это еще п-проще. Ты почему не употребляешь?! Так не пойдет. Ну хоть пригуби.

– Я водку не пью.

– Неужто? Вот никогда бы не поверил! Ладно, не пьешь – дело твое. А что пьешь? Ну, скажи?!

– Шампанское.

– Ха. Да сколько угодно! Эй, официант... холуй?.. Где ты, милый? Топай сюда. А какая в вашем вертепе есть шампунька? – спросил он, когда официант явился на зов. – Любая? А самая крутая? «Моэт э Шандон»? Тащи бутылек!

– А знаете, сколько оно стоит? – холодно спросил официант.

– Да какая разница! Не дороже денег. – Сабуров извлек из кармана пачку зеленых банкнот. – Тут десять штук. Надеюсь, хватит? Плачу за все!

Деньги исчезли в руках официанта как по волшебству. Строгость на его лице сменилась сладчайшей улыбкой.

– Конечно, конечно, – зачастил он, – все, что пожелаете.

– Тогда, акромя этого «Моэта», тащи еще водки! – приказал Сабуров, и официант поспешно убежал. – Неплохо бы поразмяться, – изрек гуляка. – Сплясать бы неплохо. Краковяк или хоть гопака.

– Что-то уж больно старомодное, – отозвалась Вера.

– Нам и такое сойдет. Пойду закажу...

Сабуров поднялся, при этом заметно качнувшись, схватил девушку за руку и повлек ее за собой из кабинета.

Струнный оркестр, развлекавший публику, которой, впрочем, почти не наблюдалось, состоял из двух молодых людей и такого же количества девиц. Молодые люди, облаченные во фраки, играли на скрипках, а девицы в длинных кисейных платьях – одна на виолончели, другая на арфе.

– Краковяк знаете?! – рявкнул Сабуров.

Оркестранты испуганно воззрились на него.

– Краковяк, говорю, сбациайте!

– Мы такую вещь играть не умеем, – сообщил худосочный скрипач.

– А-а... Деньги нужны, – глумливо произнес Сабуров. – Извольте, получите... – Он извлек новую пачку долларов, отмусолил четыре бумажки, протянул скрипачу: – Давай, земля!

Тот отвел руку с купюрами и отрицательно качнул головой.

– Не умеем, – равнодушно повторил он.

– Ну, тогда... – Сабуров задумался. – Ну, тогда хоть кадрили или полечку.

– Польку – пожалуйста! – воскликнула арфистка и, поспешно поднявшись, почти выхватила деньги из рук Сабурова.

– Начинайте, – махнул тот платочком.

Оркестрик затянул старомодную мелодию. Сабуров подхватил Веру и сделал несколько па. Одной рукой добрый молодец поддерживал свою партнершу, а другой махал над головой платком. Неожиданно он остановился.

– Не то играете! – крикнул он музыкантам. – Ох, не то!

Гуляка подскочил к виолончелистке, вырвал у нее смычок и замахал им над головой, пытаясь дирижировать. Однако в его руках сия принадлежность струнного инструмента скорее казалась похожа на шпагу. Сабуров грозно вращал смычок, словно собираясь стукнуть им кого-нибудь. Так и случилось.

Оставшись без орудия производства звуков, виолончелистка осторожно положила инструмент на пол, подошла к Сабурову и схватилась за смычок.

– Ты чего? – опешил тот.

– Отдайте, – тихо произнесла виолончелистка.

– Чего тебе отдать?! – взревел Сабуров

– Смычок.

– На, получи!

Сабуров с размаху треснул виолончелистку смычком по голове. Та закрыла часть лица и лоб белыми, пухлыми руками и беззвучно зарыдала.

– Эй, мужик, ты чего это себе позволяешь! – заорал другой скрипач, довольно плотный парень. Фрак, казалось, готов был расползтись у него в плечах.

– И тебе, и тебе – на! – перешел в наступление Сабуров. Смычок в его руке свистел как хлыст.

На небольшой сцене, где еще недавно музицировал квартет, началась свалка. Жалобно зазвенела упавшая арфа, завизжала рухнувшая следом на свой инструмент арфистка. Плотный скрипач одной рукой вцепился Сабурову в пиджак, а другой молотил его по чему попало. Однако и Сабуров не остался в долгу. Не выпуская своего оружия из рук, он что есть силы стукнул скрипача головой в лицо. Тот от неожиданности выпустил буяна из рук, и Сабуров нанес музыканту еще один удар кулаком, «вдогонку». Фрак затрещал и разошелся на спине.

– Ах вы, гады! – ревел Сабуров, сокрушая оркестровую братию, которая, поняв, что потерпела поражение, разбегалась во все стороны.

Вера, встав у стенки, следила за титанической борьбой своего нового знакомого. Зрелище, что и говорить, выглядело впечатляюще. Но, как оказалось, оно еще не окончено. Кроме них, в ресторане пребывала еще одна компания – трое крепких мужчин средних лет, не то коммерсантского, не то бандитского вида. Сидели они в противоположном конце зала, недалеко от выхода, и о чем-то тихо беседовали, время от времени поднимая рюмки. Поведение Сабурова, по-видимому, не оставило их равнодушными. Мужчины отвлеклись от распития спиртных напитков и с интересом взирали на происходящее.

Разогнав музыкантов, Сабуров бросил взгляд в зал, и его глаза наткнулись на зрителей.

– Эй, ребята, – обратился он к мужчинам. – Не выпьете ли со мной? За победу.

- Охотно, – отозвался один из них. – Ты, парень, вел себя как герой.
- А скажите, ребята, вы, часом, не цыгане ли?
- Точно, браток, угадал.
- А не сыграете ли вы для меня, купца второй гильдии Тимофея сына Петрова Брыкина, что-нибудь родное?
- Что же, милый, тебе исполнить?
- Да хоть «Ты не шей мне, матушка, красный сарафан...».
- Хороший выбор. Только извини, милый, гитар-то мы с собой не захватили.
- Гитар?! Это поправимо. Эй, половой?! Человек, где ты?! Поди сюда?
- Появился слегка возбужденный официант. Нервозность его выражалась в том, что он беспрестанно перекидывал салфетку с одной руки на другую.
- Дорогой мой человек, доставь-ка сюда три гитары. Душа песен просит. А вот эти черноголовые, оказывается, поют.
- Официант недоуменно оглядел троицу.
- Мы только танцуем, – вступил в разговор другой мужчина.
- Как, только танцуете?! А вон тот сказал: поете.
- Он ошибся.
- Нет, братовья, так дело не пойдет. Сказали: петь можете, так пойте. А то я и вам накопью. Тащи, урод, гитару! – Это Сабуров обратился уже к официанту.
- Нет у меня гитар, – раздраженно произнес тот. – И не урод я вовсе. Вы, гражданин, уж очень себе позволяете...
- Что я позволяю?!
- Лишнее, вот что.
- Я деньги плачу.
- Деньги деньгами, а оскорблять-то зачем?
- Кого это я оскорбляю? Тебя, что ли, хама? Да тебя и оскорбить нет никакой возможности, потому как ты – быдло.
- И Сабуров влепил официанту здоровенную оплеуху. Бедняга покотился по полу.
- Ну, что, ребятишки, будем музицировать? – как ни в чем не бывало спросил он у крепкой троицы.
- Будем, будем, – вкрадчиво произнесли мужчины и тут же бросились на любителя зланных мест. Быстро и сноровисто они скрутили его, завели руки за спину и щелкнули наручниками.
- Вызывай ментов, – приказал старший официанту.
- Ах, вы так! – заревел пришедший в себя Сабуров. – Мне, второгильдейному купцу, руки выламывать?! Да как вы смеете?! Я тут все купил! И вас куплю... Куплю и продам! Я всех куплю и продам.
- Ладно-ладно, успокойся, – похлопал его по плечу главный из мужчин. – Купишь, всех купишь...
- Нас, Брыкиных, в трубу сажать, жопу сажей мазать!!! – орал Сабуров, пытаясь освободиться от наручников.
- «Почему вдруг Сабуров стал называть себя Брыкиным?» – размышляла Вера. Она уже где-то слышала эту фамилию, но никак не могла вспомнить где.
- В зал, помахивая дубинками, вошли два милиционера.
- Этот, что ли, хулиганит? – спросил первый, высокий и прыщавый, с нашивками сержанта, указав дубинкой на Сабурова. Вера, стоявшая почти рядом, уловила мощные ароматы только что выпитого алкоголя и лука, которым этот алкоголь, как видно, закусывали.
- Этот самый, – сообщил пострадавший официант.

– А почему на нем браслеты? – поинтересовался второй милиционер, низенький и толстый.

– Наша работа, – заметил один из мужчин.

– А вы, собственно, кто?

– Сотрудники убойного отдела уголовного розыска Заречного района. Я майор Глебский, а это капитан Сухомлинов и старший лейтенант Гумеров.

– Ясно, майор. Куда его?

– В отделение, естественно.

– Он рассчитался? – поинтересовался Глебский у неизвестно откуда возникшего метродотеля.

Тот солидно кивнул.

– И за оркестр?

Новый кивок.

– Тогда забирайте. И девушку эту прихватите, – майор кивнул на Веру. – Она с ним была.

Показания даст. А то этот тип, похоже, невменяем.

– Вперед! – распорядился высокий сержант. – И ты, красавица.

– Насилие над личностью! – заорал Сабуров.

– Иди, иди!..

И пленников повели в милицейский «газик».

В отделении дежурный капитан, даже не взглянув на Сабурова, принялся оформлять протокол. Сам же историк сидел на жесткой скамье и клевал носом. Рядом примостилась Вера.

– Эге, – произнес капитан с насмешливым уважением, оглядывая извлеченную из кармана Сабурова распечатанную пачку долларов. – А земляк-то непрост. Кто передо мной? – спросил милиционер Веру. – Документов при нем не имеется.

– Я – купец второй гильдии Тимофей Петрович Брыкин, – заявил неожиданно очнувшийся Сабуров. – Москательная торговля «Брыкин и сыновья». Слыхали, наверное. Магазин на Губернаторской, лавка возле Архангельского подворья и еще одна в Петуховской слободе.

– Чего-чего? – изумился капитан. – Девушка, вы, кажется, с ним были? Чего он такое несет?

– Напился, – односложно ответила Вера.

– А что он пил?

– Вино. А потом водку.

– Тогда понятно. Мешал, значит. А кто он на самом деле? Мне протокол составить нужно.

– Говорю же, купец второй гильдии Брыкин, – вновь встрял Сабуров. – В участок, сволочи, свели. А за что?! Я в своем праве, коли деньги заплатил.

– Заткнись, придурок! Так, как его звать по-настоящему?

– Михаил Сабуров.

– Работает где?

– В пединституте... То есть по-новому в госуниверситете. Аспирант на факультете истории и права.

– Историк, значит... Тогда понятно. А то купец второй гильдии...

– Да, купец! – вскинул голову Сабуров.

– Ладно, ладно... Успокойся. Деньги-то у него откуда?

Вера пожала плечами.

– А вы сами кто?

Девушка достала из сумочки служебное удостоверение.

– Так, газета «Путь наверх», – стал читать капитан. – Корректор. Значит, вы с ним в «Савое» гуляли и стали свидетельницей его художеств. Или, может, участницей? Он вас не обижал?

Вера отрицательно покачала головой.

– Ну, хорошо. Я вас отпускаю, Вера Карловна. Идите себе и впредь при походе в ресторан выбирайте более подходящих попугачиков.

– А с ним что будет? – Вера указала на дремлющего на скамейке Сабурова.

– С ним-то? Да ничего особенного. Сейчас в «обезьянник» отвеем. Пускай купец проспится.

– Да, купец! – не открывая глаз, пробормотал Сабуров.

– Вот-вот. Отдохнет малость.

Уже ночью, пребывая в своей кровати, Вера пыталась вспомнить: откуда же ей известна фамилия Брыкин?

«Брыкин, Брыкин... – повторяла она. – Что-то, связанное с детством... Может, учителя какого так звали? Или, наоборот, одноклассника?»

Наконец до нее дошло. Старое кладбище... Памятник... Мраморный ангел с отбитым крылом... Точно! На постаменте так и написано: «Купец второй гильдии Тимофей Петрович Брыкин». Но он умер в незапамятные времена. Почему же Сабуров вдруг вспомнил о нем? И не только вспомнил, а, похоже, и вообразил себя им.

Размышляя над странным фактом, Вера незаметно заснула.

Глава 3

Мсть при помощи «Наполеонов» и пребывание в доме скорби

Труд в корректорской, чтение и правка газетных полос не то чтобы угнетали Веру, однако представлялись ей не совсем тем, чего бы желала для себя. Девушке справедливо казалось: она способна на большее. Вере хотелось писать. В душе она видела себя журналисткой. Однажды, еще в первые дни своей работы в редакции, Вера сотворила очерк, строк эдак на четыреста, как ей потом сообщили. Речь в материале шла об одной ее знакомой, которая играла на гитаре и пела произведения собственного сочинения.

Исполнительницу величали Люсьена Феличита. Столь причудливое имя являлось, конечно, псевдонимом. По-настоящему девушка звалась Людмилой Филатовой. Феличита считала себя музыкантом, работающим в жанре бардовской песни, и пыталась пробиться на профессиональную сцену. Однако играла она весьма средне, а пела и того хуже. Песенки типа «кровь... любовь...», исполненные дрожащим голосом с неизбывным надрывом, увы, большим спросом не пользовались. Феличита выступала на детских утренниках, на посиделках пенсионеров, в воинских частях... Выше ее не пускали. Однако и это являлось неким подбоем успеха.

Короче, Вера настругала о Феличите очерк и гордо вручила его главному редактору.

Тот с кислой миной бегло перелистал пухлую пачку рукописных листов, сообщил, что готовые материалы нужно отдавать ответственному секретарю, и вернул рукопись автору. Несколько сникшая Вера так и сделала. Каково же было ее возмущение, когда через несколько дней она обнаружила свой материал на четвертой полосе. Из очерка умелые руки ответственного секретаря сотворили крошечную заметку под заголовком «Вечер в солдатском клубе». Ни о трудном детстве, ни о тернистом пути, которым Феличита шла на эстраду, в заметке не было ни слова. Несколько строк сообщали, что она выступила перед служивыми и те остались довольны.

Разгневанная Вера, уже слышавшая, что недовольные авторы вправе снять свой материал, побежала к начальству.

– Хорошо, – равнодушно отозвался ответсек, – я твою «заметюлину» сниму, но больше со своими писульками ты ко мне не суйся.

Вера скрепя сердце плюнула на гордость, и заметка осталась на полосе. Но с тех пор она опасалась творить. Однако отставленные амбиции нет-нет да и давали себя знать. Причем самым нелепым образом, из-за чего Вера, забывавшая, что спорить с руководством не только бесполезно, но и опасно, нередко попадала в нехорошие истории. Одна из таких историй случилась на днях.

В очередном номере газеты была помещена статейка о проходившем в последнем функционирующем кинотеатре Сорочинска «Тайшет» фестивале итальянских фильмов, снятых в жанре неореализма. Народ на старые черно-белые картины не шел, и хозяин кинотеатра решил для привлечения публики опубликовать рекламный материал. В нем расписывались многочисленные достоинства неореализма: выразительность художественных средств, лаконизм и замечательная игра актеров. Среди классиков жанра упоминался и автор фильмов «Похитители велосипедов», «Умберто Д.» и «Вчера, сегодня, завтра» Витторио Де Сика. Отмечалось, что данный режиссер – один из зачинателей неореализма, величина и мэтр. Де Сике в статье было уделено два абзаца.

Когда полоса пришла с правкой, Вера заметила: фамилия Де Сика всюду вычеркнута, и при этом смысл вышеупомянутых абзацев полностью терялся. Недолго думая, Вера восста-

новила фамилию. В таком виде статья и увидела свет. А на другое утро разразился скандал. Главный редактор рвал и метал. Оказывается, это именно он, обнаружив не совсем приличное, с его точки зрения, звучание, вычеркнул «срамную» фамилию. Виновница нашлась очень даже быстро. Над головой Веры сгустились тучи, и напрасно она бегала по редакции с Энциклопедическим словарем в руках, пытаясь доказать свою правоту. Народ с усмешками соглашался: она права; некоторые называли главного «дубом» и неучем, однако никто не стал за нее заступаться. И в результате Вера схлопотала строгий выговор. Но на этом история с неприлично звучащими словами, увы, не кончилась. Продолжение ее случилось как раз на следующий день после памятного посещения «Савоя».

Главный редактор газеты «Путь наверх» звался господином Величко и, как уже упоминалось, был сравнительно молод, полноват и добродушен. Однако добродушен он был только на первый взгляд. По натуре Павел Борисович являлся законченным придурком – во всяком случае, так считала Вера. А причина сему явлению была следующей. Господин Величко принадлежал к известной в Сорочинске фамилии. Папа его одно время трудился в качестве второго секретаря обкома партии, мама заведовала крупнейшим в городе гастрономом, а дядя был директором швейной фабрики. Паша Величко между тем не подавал особых надежд. Учился в школе он весьма средне, однако любил общественную деятельность: был председателем совета пионерской дружины, выпускал стенгазету, руководил кружком юннатов... Однако книжки он читать не любил, и посему влиятельные родственники пристроили его в медицинский институт. Паша Величко кое-как проучился в нем три года и оказался отчислен за неуспеваемость в самый разгар перестройки. Однако данный факт его не особенно расстроил. Реформы предоставляли необъятное поле деятельности для подлинного борца за демократию. Чем только он не занимался! Возрождавал сорочинское казачество (никогда ранее не существовавшее), подвизался в обществе «Память павшим», которое вело поиски могил военнопленных, руководил избирательной кампанией кандидата в Верховный Совет от Партии любителей пива... Всего и не упомнишь.

В середине девяностых, когда все вокруг трещало и разваливалось, а государственное имущество безбожно растаскивалось, его дядя из директора швейной фабрики превратился в ее владельца, а мамаша стала хозяйкой собственного гастронома. Папаша же Павла Борисовича, в прошлом партийный функционер, возглавил филиал крупного московского банка. И все бы в семействе шло хорошо, если бы не сынок. Его кипучая общественная деятельность чаще всего заканчивалась крахом. И посему Павлу Борисовичу была уготована новая роль. На семейном совете было решено, что он должен возглавить газету. Подходящее издание быстро нашли, перекупили, благо оно влачило нищенское существование, а руководить поставили Пашу. Так он стал главным редактором.

Нужно прямо сказать, господин Величко был крайне обрадован новым назначением. Это оказалось как раз по нему. Физический труд он не любил. А здесь такового и не присутствовало. Работа предстояла исключительно умственная, требующая широкой эрудиции и творческой энергии. По мнению Паши, и то и другое имелось у него в достатке. Однако на деле был он человеком ленивым и весьма темным. Так, например, он считал, что город Харьков находится на территории Российской Федерации. Кроме того, Величко был нетерпим к инакомыслию, а невыполнение своих приказов считал чуть ли не преступлением. За случай с Де Сикой он не уволил Веру только потому, что в одночасье найти нового корректора казалось делом почти невозможным. Однако он затаил на нее злобу. И тут случилось новое происшествие.

Опять же на четвертой полосе завтрашнего номера, под рубрикой «Интересно, аж жуть!», стояла заметка о том, что в Андах, на дне высокогорного озера Титикака, экспедиция американских ученых из Йельского университета ищет руины некогда затонувшего города, который, по мнению этих же ученых, и является легендарным Эльдorado.

Главный редактор, всегда весьма внимательно читавший полосы, вычеркнул название озера.

Увидев редакторскую правку, Вера возмутилась до глубины души. Вначале она побежала к ответственному секретарю, но тот только отмахнулся. В столь незначительном факте он не видел повода для сотрясения воздуха. Тогда Вера решила обратиться непосредственно к главному.

Господин Величко изволил завтракать. Павел Борисович утверждал, что он уж очень загружен, а посему не успевает совершить сей священный ритуал дома. Обычно в этот момент он поглощал свои любимые пирожные «Наполеон», загодя купленные секретаршей, и запивал их горячим сладким кофе.

Разъяренная Вера ворвалась в кабинет главного, размахивая газетной полосой.

– Почему вы вычеркнули Титикаку?! – завопила она с порога.

– Какую еще Титикаку?! – столь же грубо ответил Павел Борисович.

– Название озера в Андах!

– Ах, это... Никакой Титикаки не существует! – Крошки слоеной выпечки облачком вылетели из его рта.

– Как это не существует?!

– А так! То ты Сику какую-то выдумала. А теперь еще тити, да в придачу каку! Нет, дорогая Верочка. Тити сегодня не пройдут. Да и чего ты беспокоишься? Ведь не о твоих титях идет речь. – Он нарочито внимательно оглядел Верины объемистые груди. – Вот об этих титях не скажешь, что они – кака. – И он ткнул Веру пальцем в грудь.

«Ах ты, ничтожество! Еще и издеваешься!»

Вера опустилась на стул напротив Павла Борисовича. Тот насмешливо смотрел на корректоршу. Красные губы его блестели от жирного масляного крема, челюсти непрерывно двигались.

«Как вампир», – подумала Вера.

И в этот момент ее разум заколыхался, поплыл и словно растворился в чужой, всесильной, яростной воле. Это была уже не она, а нечто совсем иное.

Пальцы девушки впились в стол. Потом она потянула руки к себе, оставляя на поверхности рваные борозды. При этом раздался жуткий скрежет.

У Павла Борисовича отвисла челюсть. От ужаса выкатились глаза. Недоеденный кусок «Наполеона» упал на грудь.

– Ты... ты... – бормотал он. – Чего ты...

– Ах, сволочь! – прошипела та, которая еще минуту назад была Верой. – Ты смеешь со мной спорить, да еще и издеваешься!

Она огляделась. На столе стояла тарелка с недоеденными пирожными. Она схватила «Наполеон» и стала толкать его в жирный рот главного. Тот запыхтел, закашлялся. Слезы показались из его вытаращенных белым. Тестяная труха, шматки крема летели из редакторской пасти, как пчелы из улья. Павел Борисович, задыхаясь, издавал горлом гортанные звуки, напоминавшие клекот орла. Однако существо, напавшее на главного, никак не желало утихомириваться. Оно продолжало втискивать в глотку новые пирожные и несколько успокоилось лишь после того, как скормило господину Величко все оставшиеся «Наполеоны». К этому времени страдалец потерял сознание, и последнее пирожное было даже не засунуто, а размазано по лицу и голове. Вид главного редактора был ужасен.

Оставшись довольна проделанной работой, нечисть, захватившая тело и разум Веры, злое улыбку и вытерла жирные руки о пиджак поверженного газетного стратега и тактика. Потом она подхватила валяющуюся на полу четвертую полосу с крамольным названием озера и удалилась.

Только в корректорской Вера по-настоящему пришла в себя. Все случившееся за минуту до этого наша героиня начисто забыла. Существо, творившее расправу, куда-то делось. Оно, видимо, спряталось в каком-нибудь укромном закоулке Вериных мозгов. Девушка лишь несколько удивилась своему учащенному дыханию, растрепавшейся прическе и беспорядку в одежде. Однако неполадки были быстро ликвидированы, и она вновь уселась за читку.

Спустя пятнадцать минут заглянула секретарша редактора, с ужасом посмотрела на Веру и тут же захлопнула дверь. В коридоре послышалась беготня, встревоженные крики. Потом раздался громкий топот, и все опять стихло. Что происходило в коридоре, Веру совершенно не интересовало. Ей нужно было как можно скорее прочитать накопившиеся полосы.

Примерно через час дверь корректорской вновь отворилась. На пороге ее стояли два дюжих детины в белых халатах. Из-за их плеч выглядывали почти все сотрудники, находившиеся в тот час в редакции.

– Вот эта, – сообщила протиснувшаяся в щель между детинами секретарша.

Оба молодца подошли к Вере. Лица их были насторожены и исполнены стремления к грубому физическому насилию.

– Поднимайтесь, – в один голос произнесли белохалатники. Своей внешностью и повадками они очень напоминали двух персонажей мультфильма «Вовка в Тридевятом царстве». Тех, что «двое из ларца, одинаковы с лица».

– В чем дело? – вполне вежливо поинтересовалась Вера.

– Там объяснят, – теми же деревянными голосами ответствовали «двое из ларца».

– Кто объяснит? – ничего не понимая, спросила девушка.

– Кому надо, тот и объяснит.

– Но что случилось?

– Она еще спрашивает! – завизжала секретарша.

Вера ее не любила. Секретарша была маленькая, тощенькая, состояла в интимной связи с главным и, видимо, на этом основании пыталась вертеть редакционными делами.

Неожиданно для Веры молодцы в халатах подхватили ее под локотки и куда-то поволокли.

– Пустите, я сама пойду! – закричала наша героиня.

– Ну, иди, иди...

Веру вывели на улицу. У дверей редакции стоял микроавтобус с красными крестами на боках. Белохалатники распахнули дверцу и бесцеремонно затолкали Веру внутрь, а следом влезли сами. В кабину уселась секретарша. Взревела сирена, и микроавтобус тут же набрал бешеную скорость и понесся по тихим улочкам Сорочинска.

Вере скоро стало понятно куда.

Микроавтобус направлялся в сумасшедший дом.

Городская психиатрическая больница стояла на берегу тихой и неширокой реки Сороки, в окружении могучих пирамидальных тополей, чернотвольных лип и пыльной сирени. Некогда она находилась на порядочном расстоянии от города. Но Сорочинск рос, и к концу семидесятых годов прошлого века жилые дома подступили почти к самым корпусам этого лечебного заведения. Однако городские власти вовремя одумались, прекратили строительство рядом с больницей и оставили прилегающую к ней территорию в покое.

Вообще говоря, сумасшедший дом был возведен здесь еще до революции. Его краснокирпичное трехэтажное здание до сих пор возвышалось над беленькими домиками барачного типа, в которых размещались мужские и женские отделения. Беленькие домики были построены уже в советское время.

Сумасшедший дом в народе называли Липками. Попасть в Липки считалось величайшим несчастьем. Среди сорочинской ребятни младшего школьного возраста выражение «А не пора

ли тебе в Липки?» считалось страшным ругательством. Всякого человека с явными отклонениями в поведении в народе называли «липарем».

– Вон липарь идет. – Дети тыкали пальцем в какого-нибудь бедолагу, разговаривавшего на ходу с самим собой, размахивавшего руками или улыбавшегося без причины. – Липарь, липарь!..

Вере доселе ни разу не доводилось бывать в этом таинственном месте. До нее доходили страшноватые рассказы о том, что в Липках больных лечат электрическим током, прикладывая к вискам электроды. Подвергаемый подобным мукам, страдалец при этом страшно кричит и дугой выгибает тело. Суть другой, тоже достаточно популярной истории состояла в том, что совершенно здорового старичка (старушку) злые родственники, претендовавшие на его (ее) жилье, законопачивали в дурдом, где его (ее) начинали колотить разной дрянью, и в конце концов старичок (старушка) действительно сходил(-ла) с ума и начинал разговаривать по-птичьи.

И вот теперь Вера сама получила возможность побывать здесь.

Но, главное, почему? Почему ее везут в дом скорби?! На каком основании?!

– Что я такого сделала?! – завопила Вера.

Молодцы в белых халатах безразлично молчали. Они сделали свою часть работы и теперь пребывали в отключке.

– Она еще спрашивает! – услышала Вера.

Голос исходил от секретарши, повернувшейся к форточке, разделявшей кабину и салон автобуса.

– Ну, говори, дура! – Вера подалась вперед, но ангелоподобные санитары тут же перехватили ее и плотно прижали к пыльному дерматиному сиденья.

– Сейчас мы узнаем, кто из нас бóльшая дура, – превозмогая испуг, язвительно промолвила секретарша.

Тем временем машина сквозь открытые настежь ворота въехала на территорию больницы, сделала поворот и остановилась возле невысокого крыльца.

– Нам сюда, – в один голос проворковали «двое из ларца», подхватили Веру, выволокли ее на двор и повели к входу. Следом из микроавтобуса вылезла секретарша и на почтительном расстоянии засемила следом.

Вся группа прошла то ли сени, то ли вестибюль и оказалась в небольшой чистенькой комнате, где Веру усадили на привинченный к полу табурет, санитары встали по бокам, а секретарша уселась на диванчик. Кроме табурета и диванчика, в комнате имелся белый столик, на котором стоял прибор для измерения давления и лежала толстая амбарная книга.

Дверь отворилась, в комнату впорхнул благообразный человек в возрасте «слегка за тридцать». Это был эдакий живчик с темной бородкой клинышком, аккуратными усиками, остроглазый и улыбчивый.

– Так-так, – весело произнес он, взмахом руки отпуская санитаров. – Это кого же привезли?

Вера взглянула на благообразного и сразу поняла: благообразный вряд ли ей поможет. Скорее наоборот.

– Вы сопровождающая? – обратился врач к секретарше.

– Да какая сопровождающая?! Она, – секретарша ткнула пальцем в Веру, – работает у нас в редакции... И сегодня, час или полтора назад, напала на Павла Борисовича.

– Кто это такой?

– Павел Борисович? – удивившись, переспросила секретарша. Видимо, она считала, что имя-отчество шефа должно быть известно всем и каждому. – Это наш главный редактор, господин Величко.

– Ага-ага. И как же она напала?

– Да очень просто! Набросилась на него и давай пихать в рот пирожные.

– В его рот?

– Ну да!

Доктор посмотрел на Веру:

– Как вас звать, уважаемая?

Вера назвалась.

– С чего это вдруг вы стали производить столь странные действия?

– Из-за Титикаки, – сообщила Вера.

– Из-за чего, из-за чего?

– Озеро такое имеется в Южной Америке.

– Это мне известно.

– А ему – нет!

– И почему же вы решили ликвидировать его пробелы в знании географии столь странным способом?

– Я ничего такого не делала. Просто пришла к нему и потребовала объяснить, почему он убрал озеро.

– А вот тут утверждают, будто вы чинили над ним расправу с помощью пирожных.

– Ничего такого не помню. Зашла в кабинет, спросила, а он в ответ давай оскорблять.

– Каким же образом, интересно?

– То, говорит, у тебя Сика, то – кака.

– Это как же понимать?

– Да недавно мы публиковали статейку про итальянское кино. В ней фигурировала фамилия режиссера – Де Сика. Ну, главному она не понравилась. Звучит, говорит, как-то неприлично. Он у нас немного того... главный-то. – Вера покрутила пальцем у виска. – Короче, он фамилию вычеркнул, а я восстановила. В результате получила строгача. А теперь это озеро. Он его снова того...

– Вычеркнул?

– Ну да. А я ему: на каком основании?

– Понятно. Но зачем же пирожными?..

– Ни про какие пирожные мне ничего не известно.

– Как это не известно?! Как не известно?! – завопила секретарша. – Ведь ты его чуть ли не до смерти уходила. Он уж и сознание потерял... Еле «Скорая» откачала. В больницу увезли.

Вера поджала губы.

– А милицию не пробовали вызвать? – спросил врач у секретарши.

– Не пробовали. Да с ней и так понятно. Зачиталась! Издержки профессии...

– Ясно. Ну, хорошо. Я вас больше не задерживаю.

– А с ней как?

– Очень просто. Пускай пока полежит. Понаблюдаем...

– Что значит наблюдаем?! – завопила Вера. – Это вы здорового человека наблюдать собираетесь?!

– Тише, тише, – спокойно заметил врач. – Не нужно шуметь. – И крикнул: – Анастасия Семеновна!

Вошла пухлая медсестра.

– Температуру, давление... – распорядился врач. Он достал из стола чистый бланк, на котором, как успела заметить зоркая корректорша, было написано: «История болезни».

Через пятнадцать минут Веру препроводили в другое помещение, сочетавшее в себе элементы туалетной комнаты и душевой.

– Раздевайся, милая, – равнодушно-ласково сказала пожилая санитарка. – Теперь ноготочки давай-ка подстрижем. И под душ вставай. Вот так. Умница!

И вот уже Веру, переодетую в донельзя застиранную, но чистую ночную рубашку и такой же халат неопределенного цвета, повели в женское отделение. Конвоировал несчастную высокий, весьма сутулый молодец с лошадиным лицом. Он с видом знатока разглядывал Верины стати, а до этого несколько раз заглядывал в раздевалку, когда Вера плескалась под душем. Однако в данный момент Веру не интересовали знаки внимания со стороны мужчин. Она пребывала в глубокой задумчивости.

Санитар открыл ключом тяжелую дверь в отделение и втолкнул Веру внутрь.

Первое, что потрясло нашу героиню в новом обиталище, был запах. Он оказался настолько густ и силен, что Вера едва не свалилась. Воняло так, что у девушки слезы выступили из глаз. Однако вскоре запах уже не казался столь резким. Ко всему привыкаешь.

Отделение было наполнено женщинами самых разных возрастов и комплекций, облаченных, однако, в точно такие же одежды, как и у Веры, отчего все они, казалось, были на одно лицо. Некоторые лежали на кроватях, уставясь в потолок, иные сидели на корточках, но большинство бесцельно слонялось по отделению с совершенно отсутствующими лицами.

Мрачная санитарка подвела Веру к свободной кровати, покрытой чернильного цвета одеяльцем, и молча указала на нее. Вера покорно опустилась на кровать, мелодично звякнувшую своими растянутыми пружинами, положила головку на комковатую подушку. При этом она продолжала напряженно думать.

Что, собственно, происходит и почему она очутилась здесь, в столь странном месте? Здорова ли она? И с чего все началось? Мысли разбегались, словно мыши при появлении кота. Вера постаралась вновь собрать их вместе, и постепенно это удалось. Итак, попробуем проанализировать ситуацию. Во-первых, почему она здесь? Эта драная кошка-секретутка утверждала: Вера напала на главного редактора и стала толкать ему в рот пирожные. Было ли это на самом деле? Вера ничего подобного не помнила, однако она помнила другое. После возвращения в корректорскую из кабинета редактора ее руки оказались перепачканы кремом, а на одежде было полно крошек. Почему? Либо кушала пирожные вместе с Павлом Борисовичем, либо?.. Либо секретутка говорит правду, и Вера использовала пирожные не по назначению. Идем дальше. А вчера в «Савое» что случилось? А случилась драка. Правда, Вера не помнила ни ее ход, ни даже причины, к ней приведшие. Сидели в кабинете... Новый знакомый, этот Сабуров, быстро напился, принялся шиковать, швырял доллары... Кстати, откуда у него такие деньги? Вера вспомнила некий смутный рассказ о дедовом наследстве, потом разговор о кладках... Потом Сабуров заказал бутылку дорогого шампанского, и Вера внезапно почувствовала злость... Страшную злость! И все! Провал в памяти. Потом появились милиционеры... Историк уже был скован наручниками. Кто надел их на него? Почему? И еще всплыло в памяти: Сабуров почему-то называл себя купцом второй гильдии... Как же звучала фамилия? Она ведь уже как-то вспоминала его! Тогда, ночью, в кроватке, когда долго не могла уснуть... Старое кладбище, фамилия на постаменте с мраморным ангелом. Ну да, Брыкин! Конечно, Брыкин. А звание его – купец второй гильдии... Тимофей Петрович Брыкин...

Поглощенная своими мыслями, она бессмысленно таращилась на облупленную стену, не обращая внимания на происходящее вокруг. Вдруг кто-то довольно грубо тронул ее за плечо. Вера повернула голову. Перед ней стояло бесформенное существо неопределенного пола с остриженной наголо головой. Глаза существа были прикрыты очками с толстенькими линзами и от этого казались лягушачьими. Из полуоткрытого рта на подбородок тонкой струйкой стекала слюна.

– Новенькая, – жестяным голосом промолвило существо.

Наша героиня молча кивнула.

– Как звать?

– Вера.

– Верка, значит. Ага. Хорошее имя. А ты из себя ничего. Справненькая.

Существо наклонилось и потрогало Верины груди. Девушка инстинктивно отодвинулась к стене. Не обращая внимания на ее реакцию, существо бесцеремонно задрало подол халата, и костлявые пальцы ухватили за зад. Вера что есть силы ударила по руке слюнявой насильницы. Но та, похоже, не обиделась. Она присела на край Вериной кровати и уставилась на девушку своими окулярами. Увеличенные линзами в десяток раз, белесые зенки казались омерзительными.

– Сегодня ночью я к тебе приду, – сообщило существо.

– Зачем это?

– Как зачем? Забавляться. В папу-маму играть будем. Я – папа, ты – мама.

– Пошла прочь, – тихо произнесла Вера и вновь отвернулась к стене.

Тут послышался шум, и, когда Вера вновь обернулась, она увидела: существо сидит на полу и ощупью ищет свалившиеся очки, а над ним высится дама весьма грозного вида. В том, что на этот раз перед ней действительно находится женщина, не было никакого сомнения. Телосложение у дамы казалось исполинским. Каждая из половинок бюста была с воздушный шар средней величины, зад по размерам напоминал газовую плиту; могучую голову украшали обесцвеченные кудряшки. Глаза дамы метали молнии.

– Опять ты, Жаба, к новеньким лезешь! – закричала она громовым голосом. – Сколько раз тебе говорить: не лезь, не лезь!.. – Она вроде бы несильно пнула существо, однако от удара та, которую назвали Жабой, залетела под Верину кровать и беспомощно завозилась под ней. – Гнида, – сказала кудрявая дама, обращаясь на этот раз к Вере. – Как увидит красивенькую девчушку, обязательно прилипнет, падла такая! Ты ее, коблуху е...ую, не бойся. Как ползет, срывай с нее очки и кидай куда подальше. А ты, лапочка, по какой статье сюда залетела? Ширялась?

Вера, не совсем понимая свою спасительницу, тем не менее отрицательно покачала головой.

– Шобила, значит? Нет?! Колеса глотала? Диагноз-то какой тебе поставили?

Вера непонимающе пожала плечами.

– Диагноз, говорю, какой? Шизофрения или там МДП (маниакально-депрессивный психоз)?

– Не знаю даже. Не могу сказать. Все так быстро....

– Первый раз здесь?

– Первый.

– Ну, ничего, привыкнешь. Полежишь полгодика, порядки наши узнаешь... Куришь?

Вера сказала, что курит.

– Ну, тогда пойдем курнем?

– У меня ничего с собой нет.

– Бедняга! Ну да ладно. У меня есть сигареты. Давай дуй за мной.

Вера поднялась и последовала за женщиной. Она хотела отвлечься от тяжелых дум, а кроме того, несмотря на столь короткий срок пребывания в доме скорби, успела понять: здесь царят свои законы. И нарушать их крайне опасно. И, чтобы выжить, нужны союзники. Эта омерзительная Жаба вряд ли оставит ее в покое. Поэтому неплохо бы использовать кудрявую в качестве защитницы.

Они вошли в туалет. Вонь здесь оказалась еще чудовищнее, чем в отделении, а табачный дым висел столь плотно, что казалось, наступили сумерки. Кроме них, в туалете находилось еще двое: пожилая бритоголовая тетка и худосочная девушка, больше похожая на подростка. Обе сидели на унитазах и курили. Бритоголовая вскоре удалилась, а худосочная, похоже, вовсе не собиралась это сделать. Кудрявая извлекла из кармана халата пачку «Балканской звезды», протянула сигарету Вере, а другую сунула себе в рот.

– Так за что же тебя захомутали? – спросила она.

Вера пожала плечами:

– Говорят: напала на нашего главного.

– А сама что, не помнишь?

– Не-а.

– А где трудишься?

– В газете.

– О! Журналист, значит? – В голосе кудрявой зазвучало уважение.

Вера неопределенно кивнула. Она не хотела принижать свой статус.

– Зовут-то как?

Вера представилась.

– А меня – Людмилой. Людкой, короче. Тебя кто принимал?

– То есть?

– Ну, врач. Как фамилия?

– Не знаю я... Такой моложавый... с бородкой...

– А, Валентин Михайлович. Ничего мужик. Веселый. Я ему как-то говорю: у вас, доктор, знаете, на что рот похож? На... – Людка употребила неприличное слово, означающее женский половой орган. – Смеется. Ты, Веруня, короче, меня держись, – без перехода заявила Людка. – Если будет приставать Жаба или еще кто – сразу ко мне. А уж мы с тобой их быстро погасим. Вдвоем-то... А?..

– Наверное.

– Я и говорю... Примочим, если надо.

Вера, несмотря на этимологический навык, плохо поняла смысл глагола «примочим», однако охотно согласилась.

– Вот и отличненько. Мы с тобой «вась-вась» будем. – Людка сжала вместе обе ладони и потрясла ими перед лицом Веры.

Худосочная девица, прислушивавшаяся к их разговору, явственно хмыкнула.

– Ты чего это, сучка, хихикаешь?! – немедленно отреагировала Людка.

– Не быкуй, в натуре, – спокойно отозвалась худосочная.

– Чего ты вякаешь?! Докуривай свой чинарик и вали отсюда!

– Когда надо, тогда и свалю.

Пререкания, казалось бы, должны перейти в открытый скандал, сами собой затихли. Худосочная бросила окурок в унитаз, сплюнула под ноги Людке и, независимо покачивая плечами, удалилась.

– Кто она? – опасливо поинтересовалась Вера.

– Не обращай внимания. Так... дрянь! Тут таких полно.

Дверь уборной тут же отворилась. В щель просунулась голова худосочной.

– Сама дрянь! – выкрикнула та, и дверь тут же с грохотом захлопнулась.

– Вот лярва, – захохотала Людка. – Подслушивала. Ну и хрен с ней. Ты вот что, Верунчик.

Дачку принесут, поделишься? А, лялька?

– Конечно, – охотно согласилась Вера. – Какой разговор. Курицу там жареную... Или конфеты...

– И про курево не забудь, – оживилась Людка.

– Само собой.

И вот уже Вера снова лежит на раздолбанной, звенящей при каждом движении койке и кумекает о своем житье-бытье. Передачи, конечно, вещь хорошая, но кто ей их принесет? Некому. Одна наша героиня. Совсем одна! А посему отсюда нужно выбираться как можно быстрее.

– Идите жрать, пожалуйста, – раздался зычный голос.

Смутный гул послышался со всех сторон. Зазвенела посуда, зазвякали ложки. Вера сидела за общим столом, без особой охоты хлебала жидкий овсяный супчик, жевала хлебную корку. В голове копошилась только одна мысль: как бы побыстрее отсюда убраться. Назад, к своему новому ложу, Вера еле брела. На полу валялась затрепанная книжонка. Девушка подняла ее...

– Мое! – заорали с соседней кровати.

– Да забери, ради бога.

– Мое, мое, мое!..

Вера швырнула книгу в чью-то копошащуюся на койке фигуру и вновь улеглась.

Наступил вечер. Зажглись лампы. Где-то заработал телевизор. Слышалось приглушенное бормотание, потом звуки выстрелов... Но Вере это было неинтересно. Она продолжала лежать, отвернувшись к стене. Положение казалось безвыходным. Девушка задремала. Снилось ей какая-то мрачная галиматья: Людка, гарцующая на лошади возле входа в редакцию; Павел Борисович в сверкающем полировкой шикарном гробу, вместо цветов доверху заваленном пирожными; лежащая на ресторанном столе голая секретутка, которую пьяные цыгане секут березовыми прутьями.

Неизвестно, что бы еще привиделось нашей героине, но тут она проснулась. А проснулась оттого, что кто-то тряс ее за плечо. Вера открыла глаза. В палате было темно, лишь крошечная лампочка тускло светила над дверью.

– Поднимайся, – услышала она над собой мужской голос.

– Что, кто?.. – встрепенулась наша героиня.

– Не ори. Вставай.

– Зачем?

– На процедуры тебя требуют.

– На какие процедуры?

– Там узнаешь. Пошевеливайся.

Вера поднялась, не зная, что делать дальше. Ее крепко взяли за локоток и потащили к выходу. Щелкнул замок. Она и ее провожатый оказались на улице. А тут бушевало осеннее ненастье. Хлестал дождь, сильный ветер раздувал полы халата, норовил забраться под ночную рубашку.

«Куда он меня тащит?» – соображала Вера, едва поспевая за человеком в белом халате. Однако долго идти не пришлось. Веру втолкнули в подъезд. По деревянной лестнице поднялись на второй этаж. Мужчина вновь отпер замок, и они очутились в темном помещении. Здесь тоже пахло. Но не так, как в женском отделении. Общим был лишь табачный дух. Мужчина открыл какую-то дверь, и Вера очутилась в просторной, слабо освещенной комнате. Только тут она разглядела, что приведший ее сюда мужчина – тот самый санитар, который днем отводил ее из приемного покоя в отделение. Вера взглянула в прыщавое лицо санитаря и поежилась. На нем играла глумливая усмешка, не предвещавшая ничего хорошего. Кроме санитаря, в комнате находился еще один мужчина, тоже в белом халате. Он сидел за столом, на котором стояла включенная настольная лампа, и с интересом разглядывал Веру.

– Вот, привел, – сказал прыщавый.

– Отлично.

Человек поднялся, и лицо его, доселе пребывавшее в тени, можно было прекрасно различить. Перед Верой стоял молодой человек лет двадцати восьми, весьма приятной наружности. Лицо его, украшенное карими глазами и большим губастым ртом, казалось интеллигентным. Через шею перекинут фонендоскоп.

«Врач», – поняла Вера.

Красавчик некоторое время взирал на Веру масляным взглядом, потом улыбнулся.

– Ну что, приступим? – ласково произнес он.

– К чему? – не совсем поняла Вера. Ей показалось: тут дело нечисто.

– К медосмотру, естественно, – пояснил красавчик. – Раздевайтесь.

– Зачем это?

– Сначала выслушаю вас.

– А он? – Вера указала на прыщавого санитаря.

– Что он?

– Он здесь зачем?

– Таков у нас в больнице порядок. Во время медицинских процедур рядом с врачом или сестрой всегда присутствует санитар. По технике безопасности полагается. Больные у нас разные лечатся. Бывали случаи, и нападали на медперсонал.

Вера недоверчиво молчала.

– Ну, давайте, – вновь заговорил врач. – Это же больница, тут стесняться некого.

Вера неуверенно расстегнула халат, сняла его.

– До пояса? – спросила она, взявшись за ворот рубашки.

– Можно и до пояса, – отозвался врач. В голосе его Вере послышалась похотливая хрипотца. Однако девушка все же оголила груди.

Холодная чашечка фонендоскопа коснулась кожи, отчего по телу пошли мурашки. Вера вздрогнула и поежилась.

– Спокойнее, спокойнее, – потребовал врач. Он как бы невзначай коснулся пальцами Вериного соска, заставив девушку вновь вздрогнуть.

– Повернитесь.

Санитар откровенно пялился на нее.

Еще несколько прикосновений фонендоскопа.

– Сердце в норме, – услышала она.

Успокоенная девушка хотела вернуть рубашку на место, но врач остановил ее.

– Нет-нет, – твердо произнес он. – Еще не все. Снимите совсем и ложитесь на кушетку.

– А это для чего? – не поняла Вера.

– Осмотрим вас досконально.

Теперь на девушке остались лишь узенькие трусики. Она подошла к кушетке и кое-как улеглась на холодный дерматин.

«И черт с ними, – думала она. – Пускай смотрят. Благо есть на что». Однако врач почему-то не спешил. Звякнул металл. Вера посмотрела в ту сторону и увидела: врач снимал брюки.

– Вы чего?! – закричала она. – Что это вы делаете?!

– Держи ее, Хомутинин, – зашипел врач.

Однако санитару не нужны были приказания. Одной рукой он уперся девушке в грудь, а другой стал срывать с нее трусики. Вера вертелась и дергалась, пытаясь вырваться, однако силенка у Хомутинина оказалась действительно немерена. Он прижал несчастную к поверхности кушетки, да так, что у той косточки захрустели. Раздался треск раздираемых трусиков. Вера оказалась перед насильниками в чем мать родила.

– Зачем вы сопротивляетесь? – вкрадчиво начал врач. – Поверьте, это бесполезно.

Вера прекратила трепыхаться и подняла на него глаза. Врач стоял совсем рядом, причем совершенно голый. Его мужское естество торчало перед самым ее лицом.

– Лучше расслабьтесь и постарайтесь получить удовольствие, – и врач коротко хохотнул. – Вот и хорошо, – заключил он, решив, что девушка успокоилась. – Ведь я у вас не первый.

– Первый, – захрюкал Хомутинин. – Истинно, что первый. А я согласен быть вторым.

Санитар отнял от тела девушки руки, открывая врачу простор для действий, но тот не спешил. Он медленно и нежно провел по телу Веры ладонью, начиная от груди, и та закрыла глаза, отдаваясь неизбежному. Руки врача продолжали ласкать ее, и мучительная сладость наполнила все существо Веры. Пальцы мужчины протиснулись меж ее ляжками и стали потихоньку раздвигать ноги девушки.

– А нельзя ли побыстрее? – довольно грубо поинтересовался Хомутинин. – Вечно вы, Юрий Афанасьевич, с ними вошкаетесь. Я ведь тоже хочу.

«Вошкаетесь, – повторила про себя девушка. – Вон они как это называют».

Темная волна ярости захлестнула ее сознание. Разум отключился, уступив место чужой холодной и жестокой воле. Веру подбросило, словно в кушетке была спрятана пружина. Врач отлетел в сторону. Некоторое время он сидел на полу, поглаживая скулу, ушибленную Вериней коленкой. Девушка тоже сидела на кушетке, медленно переводя взгляд с одного своего обидчика на другого.

– Ты чего? – удивленно спросил врач. – Вроде уже готова была?

– А того, – вместо Веры отозвался Хомутинин. – Нечего было нежности разводить! И так он ее, и эдак... Чуть ли не облизывал. А она по своей сути дурочка! Разве с дурочками так нужно обращаться? Поставил раком и... Давай-ка, доктор, я тебе покажу, как это делается.

Хомутинин растопырил длинные, точно оглобли, руки и стал медленно надвигаться на Веру. При этом он почему-то громко чмокал губами.

Существо, которое в этот момент руководило Вериним сознанием, следило за каждым движением санитаря. И когда тот приблизился на расстояние вытянутой руки, тело девушки внезапно подпрыгнуло, и правая нога врезалась Хомутинину в горло. Тот екнул как испуганный конь, остановился и стал без удержу перхаться.

Юрий Афанасьевич, так и продолжавший сидеть на полу, засмеялся.

– Ах, ты так, – откашлявшись, пробормотал Хомутинин. – Ах, ты так!.. Ну ладно!

На этот раз он не стал растопыривать руки, словно ловя бегавшую по двору курицу, а со всего размаху бросился на девушку, стараясь схватить ее за голову. Однако за голову он оказался схвачен сам. Последовал резкий рывок и поворот головы вправо. Что-то хрустнуло. Хомутинин издал булькающий звук и рухнул на пол.

– Ничего себе! – только и произнес врач.

Девушка посмотрела в его сторону, потом сделала шаг к нему.

– Уйди от меня, уйди! – заорал перепуганный Юрий Афанасьевич. При этом он, пятясь и елозя голым задом по полу, отползал в угол.

Девушка, или то, что двигало ею, подошла к врачу вплотную и склонилась над ним, словно разглядывала мерзкую букашку. Ее груди коснулись головы Юрия Афанасьевича, и теперь уж пришла его очередь дрожать.

– Только не надо... – бормотал он. – Только не надо...

Но девушка, похоже, и не собиралась его трогать. Были ли тому причиной его недавние нежности, или сыграло роль нечто иное, только то, что гнездились в Вере, отнеслось к насильнику весьма снисходительно. Не тронув Юрия Афанасьевича даже пальцем, оно подняло с пола его брюки, надело их, следом наступила очередь рубашки и, наконец, свитера. Одежда врача оказалась почти впору. Облачившись в костюм недавнего врага, девушка повернулась к лежащему без движения санитару, одной рукой подняла его и, держа тело на весу, словно дохлого котенка, другой обшарила карманы. Найдя ключ, девушка погрозила разинувшему рот врачу пальцем и покинула помещение.

Глава 4

Новое знакомство и явление баронессы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.